

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР ЧАС ДРАКОНА

В избранных переводах Марии Семёновой

Шедевры фантастики (Феникс)

Роберт Ирвин Говард

Конан-варвар. Час Дракона

«Феникс»

1932-1936

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-31

Говард Р.

Конан-варвар. Час Дракона / Р. Говард — «Феникс»,
1932-1936 — (Шедевры фантастики (Феникс))

ISBN 978-5-222-40716-5

В сборник признанного мастера фэнтези Роберта Говарда вошли произведения о самом популярном из его героев – Конане-варваре, давно ставшие классикой боевой фантастики. Меч против магии, человек против потусторонних демонических сил – основная тема книги.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-31

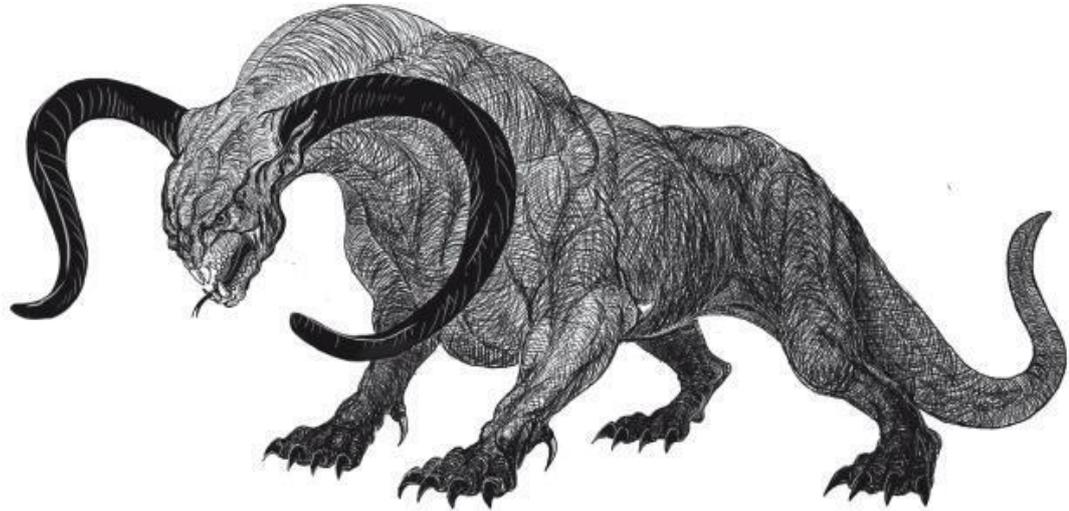
ISBN 978-5-222-40716-5

© Говард Р., 1932-1936
© Феникс, 1932-1936

Содержание

Феникс на мече	6
I	7
II	10
III	13
IV	16
V	18
Королева Черного побережья	25
1. Конан присоединяется к пиратам	25
2. Черный лотос	33
3. Ужас джунглей	39
4. Нападение с неба	43
5. Погребальный костер	47
Люди Черного Круга	48
1. Смерть короля	48
2. Варвар с гор	51
3. Хемса прибегает к чародейству	56
4. Встреча на перевале	60
5. Черный жеребец	63
6. Гора Черных Колдунов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Роберт Ирвин Говард Конан-варвар. Час Дракона

© Перевод М. Семеновой

© Оформление: ООО «Феникс», 2021

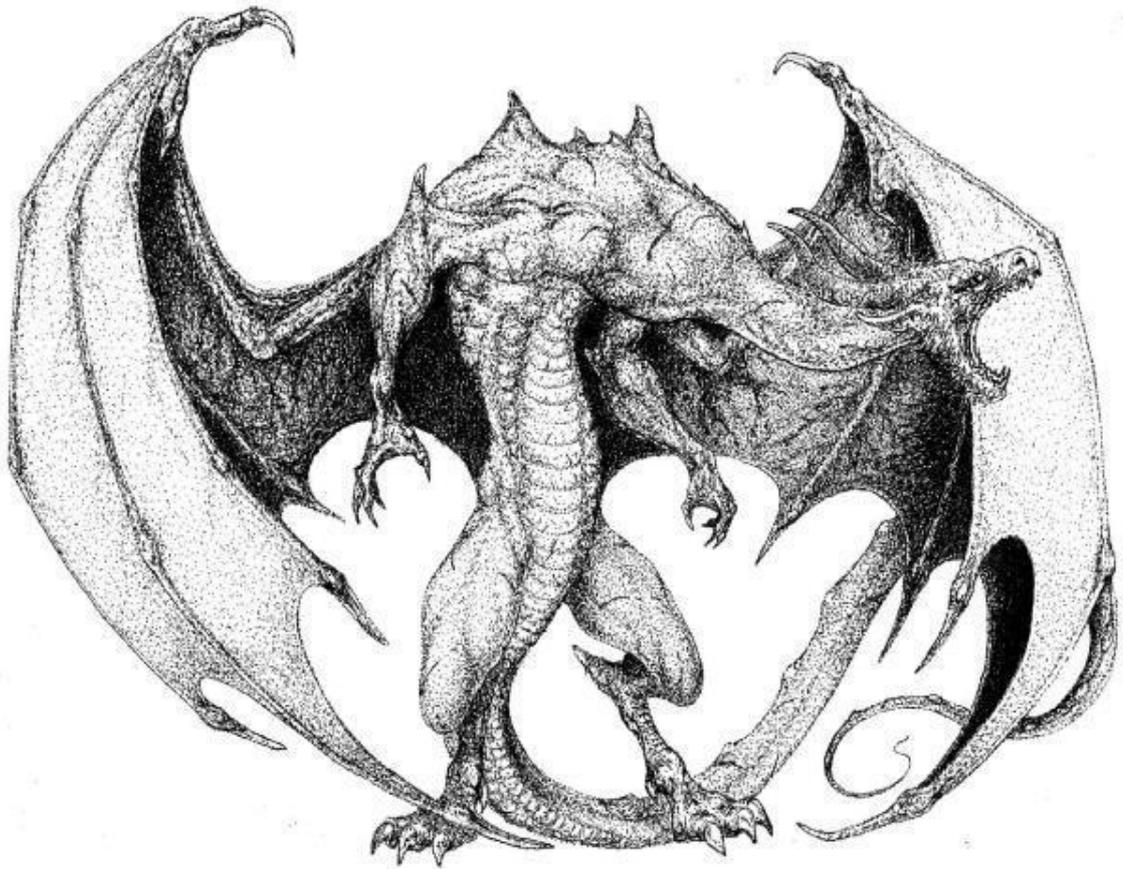
© Перевод М. Семеновой

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Феникс на мече

Знай же, о принц, что прежде тех лет, когда океан поглотил Атлантиду и захлестнул блистающие города, прежде тех лет, когда сынам ариев было суждено возвыситься, была еще эпоха, чье величие превосходило самое смелое воображение. Эпоха славных королевств, распростершихся под звездами на лике земли, словно затканые золотом плащи, – Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея... Замора, страна темноволосях красавиц и таинственных башен, полных призраков и паутины. Рыцарственная Зингара. Коф, граничивший с пастушеским Шемом. Стигия с ее жуткими призраками, стерегущими спокойствие древних гробниц. Гиркания, чьи всадники укрывали стальной броней золото и шелка... Однако истинной жемчужиной этого мира была держава, сверкавшая в самом сердце Запада, страна-королева, гордая Аквилония. В эту-то легендарную страну и явился однажды Конан из Киммерии, черноволосяый варвар с угрюмым и грозным взглядом синих глаз, вор, разбойник, убийца, человек не средних деяний и великих страстей. Явился и ногой в пыльной сандалие поправ самозвонные троны земных королей...

Немедийские хроники

I

Было тихо. Глубокая и зловещая тьма, какая бывает только перед рассветом, окутала сумрачные шпили и великолепные башни... Смуглая рука осторожно приотворила дверь, выпуская людей с покрытыми лицами в темный переулок – один из множества, составлявшего в этой части города запутанный лабиринт. Завернувшись в плащи, четверо торопливо и молча растворились в крошечном уличном мраке. Казалось, это были не существа из плоти и крови, а призраки давно умерщвленных...

Позади них в проеме двери можно было рассмотреть лицо, искаженное язвительной усмешкой, и глаза, недобро поблескивавшие в полутьме.

– Ступайте же в ночь, порождения ночи, – пробормотал голос, полный издевки. – О глупцы, ваш рок мчится по вашим следам, точно слепая ищейка... а вы даже не догадываетесь об этом!

Говоривший прикрыл дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и зашагал прочь по коридору, неся в руке свечу. Это был угрюмый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийскую кровь. Вскоре он добрался до внутреннего покоя, где, раскинувшись, точно ленивый кот, на шелковой тахте, потягивал из золотой чаши вино рослый худой человек.

– Что ж, Аскаланте, твои недоумки разбежались по улицам, точно крысы из норы, – ставя свечу, сказал ему стигиец. – Странными, однако, орудиями ты пользуешься...

– Орудиями? – отозвался Аскаланте. – А ведь это они меня считают своим орудием, вот что забавно... Уже четыре месяца, с тех пор как Четверо Мятежных призвали меня из южных пустынь, я обитаю в самой гуще моих врагов, целыми днями скрываясь в этой дыре, а ночами скитаясь во тьме проулков и коридоров... И я добился того, чего никак не могли достичь эти знатные бунтовщики. Используя их, равно как и еще многих, большинство из которых даже лица моего не видали, я отравил самый воздух империи тленом соблазна и беспокойства. Оставаясь в тени, я полностью подготовил падение короля... Во имя Митры! Не зря же я был царедворцем до того, как меня объявили вне закона!

– А эти глупцы, что считают себя твоими хозяевами?

– Да пусть их считают, будто я им служу... пока. Вот исполним задуманное, тогда и посмотрим. Кто они, чтобы тягаться умом с Аскаланте? Вольмана, этот коротышка, граф Карбанский; гигант Громель, предводитель Черного Легиона; Дион, разжиревший барон Атталусский... я уже молчу про менестреля Ринальдо, обладателя куриных мозгов. Я, именно я обнаружил в каждом из них стальную жилу и сплавил все четыре в одну. Но прочее в них – хрупкая глина, и я же ее сокрошу, когда придет час. Однако пока до этого далеко... Сегодня еще до рассвета настанет время умереть королю!

– Несколько дней назад я видел, как имперские отряды отбывали из города, – заметил стигиец.

– Они отправились на рубежи, где забеспокоились язычники-пикты... вставшие в боевое неистовство от крепкого вина, которое опять-таки я тайно переправил к ним через границу. Вот где нам пригодились несметные богатства Диона! Ну а Вольмана устроил так, чтобы нам не помешали остатки имперских войск, пребывающие в городе. Мы также обратились к его знатым родственникам в Немедии, и в итоге король Нума вызвал к себе графа Троцера Пуантенского, сенешаля Аквилонии. Конечно же, такого важного вельможу, как Троцера, помимо его собственного войска сопровождает имперский вооруженный эскорт, а с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Таким образом, король остался только с личными телохранителями и Черным Легионом. Ну а тут уж Громель помог мне подыскать среди стражи корыстолюбивого старшину, который польстился на взятку и обещал в полночь увести своих людей от двери королевской опочивальни... Вот туда-то мы и явимся тайным подземным ходом во

главе полутора дюжин отпетых и отчаянных головорезов. А когда дело будет сделано... даже если народ и не выбежит приветствовать нас – Громель с Черным Легионом удержит город в повиновении и сохранит нам корону!

– Которая, как полагает Дион, будет ему вручена...

– Именно. Жирный болван претендует на царство, полагая, что для этого достаточно той капельки королевской крови, которая течет у него в жилах. Воистину Конан совершил большую ошибку, оставив в живых потомков низвергнутой династии!.. Двое других также надеются поправить свои дела.

Вольмана желает быть обласканным при дворе, как в прежние времена, и вернуть былую роскошь своим разоренным имениям. Громель ненавидит Паллантида, предводителя Черных Драконов. Со всем упрямством, присущим его народу, этот боссонец жаждет принять верховное главнокомандование... И только Ринальдо не преследует никаких личных целей. Конан для него – варвар в грязных сапогах и с замаранными кровью руками, что явился с дикого Севера завоевать и ограбить цивилизованную страну. Наш поэт всю идеализирует прежнего короля, которого Конан убил за корону. Ринальдо успел позабыть, что в свое время тот не очень-то покровительствовал свободным искусствам и, если уж на то пошло, совершил за время своего правления немало отвратительных зол... Его стихи должным образом настраивают людей. На улицах в открытую распевают «Плач по королю», в котором Ринальдо на все лады восхваляет убиенного венценосца – порядочного, между нами говоря, мерзавца – и предает поношению Конана, «этого черноволосого дикаря, порождение бездны». Самого Конана, как я слышал, немало насмешила упомянутая баллада, но в народе у многих сжимаются кулаки...

– А за что Ринальдо так невзлюбил Конана?

– Видишь ли, люди склонны ненавидеть тех, кто при власти. Они мечтают о совершенном правителе и видят свой идеал либо в прежнем монархе, либо же в будущем – но только не в том, который нынче на троне. Видения завтрашнего и вчерашнего дня начисто заслоняют для них настоящее... Вот из таких мечтателей и наш Ринальдо – он просто-таки пылает идеализмом, полагая к тому же, что ему суждено низвергнуть тирана и принести людям свободу. Что же до меня... Всего лишь несколько месяцев назад я собирался до конца дней своих грабить караваны в пустыне и ни о чем большем даже не помышлял, но теперь я позволил пробудиться былым мечтам. Пусть умрет Конан, а на трон воссядет Дион. Настанет и ему час умереть... а за ним и прочим, кто осмелится противиться мне. От огня ли, от стального клинка, от одного из тех отравленных вин, что ты так мастерски варишь... И тогда... «Аскаланте, король Аквилонии»! Неплохо звучит, а?

Стигиец пожал широкими плечами.

– Было время, – проговорил он с нескрываемой горечью, – когда и я лелеял честолюбивые замыслы, против которых твои суть мишура и детские игры. И до чего в итоге я добился!.. Мои прежние союзники и соперники, с которыми я спорил на равных, не поверили бы собственным глазам, доведись им увидеть, как Тот-Амон, хозяин Кольца, прислуживает рабу чужеземца, к тому же объявленному вне закона, как он участвует в мелких сварах баронов и королей!..

– Нечего было делать ставку на магию и всякие там ритуалы, – отмахнулся Аскаланте. – Я вот предпочитаю полагаться на свой ум и на свой меч!

– Любой ум, любой меч – что солома на ветру перед мудростью и могуществом Тьмы, – проворчал стигиец сквозь зубы, и в его глазах угрожающе заметались искры и тени. – Еще кто из нас служил бы другому, не утрать я Кольцо!

– Как бы то ни было, – раздраженно отозвался вельможный разбойник, – покамест ты носишь на спине отметины моего кнута, и так будет продолжаться и впредь!

– Какая непоколебимая уверенность... – Ненависть на мгновение зажгла глаза стигийца красным огнем преисподней. – Рано или поздно, так или иначе, а Кольцо я себе непременно верну. И тогда, клянусь змеиными клыками Сета, ты мне заплатишь...

Горячий нрав аквилонца заставил его вскочить и вlepить стигийцу затрещину. Тот-Амон отшатнулся, на разбитых губах выступила кровь.

– Больно уж осмелел ты, собака! – прорычал Аскаланте. – Остерегись! Покамест я твой хозяин, и не забывай, что мне известна твоя неприглядная тайна!.. А теперь, если осмелишься, можешь хоть с крыши кричать, что Аскаланте вернулся в город и плетет заговор против короля! Ну?

– Я не смею... – утирая расквашенный рот, пробормотал стигиец.

– Конечно не смеешь, – Аскаланте ощерился в холодной улыбке. – Ибо, умри я от твоей хитрости или предательства, об этом немедленно прознает святой отшельник в южной пустыне. Тогда он сломает печать и прочтет свиток, который я оставил ему. Прочтет и скажет слово, и, произнесенное шепотом в Стигии, оно дотянется сюда полночным ветерком с юга... Сумеешь ли ты спрятаться от него, а, Тот-Амон?

Невольник содрогнулся, смуглое лицо точно подернулось пеплом.

– Довольно! – Высокомерный хозяин резко сменил тон. – У меня есть для тебя поручение. Я не доверяю Диону... Я велел ему ехать в его загородное имение и оставаться там до завершения сегодняшней ночной вылазки. Этот жирный дурак все равно выдал бы себя с головой, оказавшись в присутствии короля... Так вот. Отправляйся за ним и, если не догонишь его по дороге, езжай прямо в имение и оставайся с Дионом, пока мы за ним не пошлем. Да смотри глаз с него не спускай! Кто его знает, что он способен натворить с перепугу! С него станет прискакать во дворец, броситься Конану в ноги и всех заложить, лишь бы шкуру свою спасти... Ну, ступай!

Раб поклонился, старательно пряча горящие ненавистью глаза, и вышел за дверь.

Аскаланте вернулся к своему кубку с вином. Над золочеными шпильями занимался кроваво-красный рассвет...

II

*Гремел победный барабан, старались трубачи.
Цветы и золото к ногам моим метал народ.
И вот корону я надел, и тот же самый сброд
Острил отравленный кинжал для мятежа в ночи.*

Дорога Королей

Просторный чертог был богато разубран. На полированных стенах – прекрасные занавеси, на отделанном слоновой костью полу – пышные ковры, высокий потолок – сплошь в резьбе и серебряных завитках. Письменный стол и тот был сущим произведением искусства – слоновая кость, инкрустированная золотом... За этим столом сидел человек, чьи широченные плечи и прокаленная солнцем кожа решительно не вязались с окружающим великолепием. Какие-нибудь продутые всеми ветрами дикие пустоши – вот где ему поистине было бы самое место. В малейших движениях этого человека угадывалась мощь пружинно-стальных мышц, помноженная на острый ум и собранность воина. Внимательный взгляд отметил бы ненаигранность его повадки; этому не научишься, с этим надо родиться. Если уж он хранил неподвижность, его можно было спутать с бронзовой статуей. А если двигался, то не дергаными рывками, говорящими о взвинченности, но с этакой обманчивой кошачьей неторопливостью, за которой на самом деле не успевает уследить глаз...

Одеяние на нем было из роскошной ткани, но очень простого покроя. На руках – ни перстней, ни иных украшений, густая черная грива подстрижена над бровями и стянута повязкой из серебряной парчи.

Вот он отложил золотую палочку для письма, которой усердно царапал по навощенному папирусу, подпер кулаком подбородок и устремил мерцающий внутренней энергией взгляд синих глаз на стоявшего перед ним человека.

Этот последний в данный момент занимался своими делами: поправлял шнуровку отделанного золотом доспеха, рассеянно насвистывая потихоньку.

Такое вот поведение в присутствии короля.

– Ну и каторга эти государственные дела! – сказал человек за столом. – Честно, Просперо, я ни в одной битве так не выматывался, как теперь!

– За все надо платить, Конан, – отозвался темноглазый пуантенец. – Заделался королем, изволь теперь попотеть!

– С какой радостью я бы отправился с тобой сегодня в Немедию, – вздохнул Конан завистливо. – Уже тыщу лет в седле не сидел. Да вот Публий, прах его побери, знай твердит, что мне сейчас из города лучше не отлучаться. Вечно дел невпроворот... – И пожаловался с дружеской откровенностью, которая водилась между ним и Просперо: – Когда я свергал прежнюю династию, мне казалось – уф, все беды и все труды позади, теперь заживем! А сейчас оглядываюсь назад, и тогдашние погони и заварухи уже кажутся легкой прогулкой...

Знаешь, Просперо, я ведь никогда не загадывал, что будет потом. Когда король Нумедидес пал мертвым к моим ногам, когда я сорвал с него окровавленную корону и надел ее сам, мне казалось – все, достиг! Вот она, вершина!.. Я готовил себя к захвату власти, но не к тому, чтобы ее удержать... Где они теперь, те славные деньки веселой свободы, когда мне всего-то нужен был острый меч и прямая дорога, чтобы доскакать по ней до врагов! Теперь вот ни одной прямой тропки, все сплошь запутанные и кривые, а мой меч – тот большей частью вообще бесполезен... Когда я скинул Нумедидеса, меня называли Освободителем. Сегодня те же самые люди повадились плевать мне вслед, зато статую убиенного короля, этого сукина сына, поста-

вили в храме Митры и падают перед ней ниц. Она для них икона святого самодержца, с которым расправился кровавый зверь-варвар. Когда я был наемником и вел аквилонскую армию от победы к победе, эту страну меньше всего заботило мое иноземное происхождение. А теперь мне его не могут простить! Люди, которых калечили и ослепляли палачи Нумедидеса, спешат в храм Митры возжигать благовония в его честь. Люди, чьи сыновья умерли в его застенках, чьих жен и дочерей силком тащили в его сераль... Хоть смейся, хоть плачь!

– За это в первую голову надо благодарить Ринальдо, – подтягивая еще на дырочку пояс с мечом, заметил Просперо. – Он слагает песни, от которых люди положительно сходят с ума. Взять бы да вздернуть проходимца на самую высокую городскую башню, пусть бы радовал своими виршами стервятников!

– Нет, Просперо, – покачал головой Конан. – Для меня он неприкосновенен. Даровитый поэт главнее самого великого короля... В его песнях больше могущества, чем в моем скипетре. Однажды ему вздумалось спеть для меня, и он похитил сердце из моей груди. Когда умру, меня похоронят и позабудут, а песни Ринальдо переживут века. Нет, Просперо... – продолжал король, и тень беспокойности притушила синий огонь его глаз. – Все не так просто. Есть что-то еще... какая-то темная подоплека, которую мы ощущаем, но не можем внятно истолковать... Я ее нутром чую, как мальчишкой чувствовал присутствие тигра, затаившегося в высокой траве! По стране точно какой-то дух бесплотный гуляет, сея непонятную смуту... Знаешь, на что это похоже? Представь, ты охотник в лесу, сидящий ночью у крохотного костерка. Ты слышишь в чаще мягкие-мягкие крадущиеся шаги, ты почти наяву видишь, как поблескивают чьи-то глаза... Вот бы заставить это таящееся нечто себя проявить, вот бы схлестнуться с ним в открытом бою да располосовать гадину добрым мечом!.. Говорю тебе, Просперо: пикты совсем не случайно начали до того яростно нападать на наши границы, что боссонцы на что уж крепкие ребята, а запросили о помощи. Эх, ну почему мне не дали туда с войском уехать...

– Публий заподозрил заговор с целью убить тебя на границе, – невозмутимо ответил Просперо, разглаживая поверх сверкающей брони шелковую накидку и любясь собой – рослым, гибким – в серебряном зеркале. – Вот он и уговорил тебя остаться в столице. Ты, Конан, все не отучишься идти на поводу у своих варварских инстинктов. Если народ чем-то недоволен, ну и что нам с того? За нас и наши наемники, и Черные Драконы... да что там, у нас в Пуантене последний босяк и тот клянется твоим именем! Тебе остается опасаться только тайных убийц, а откуда им тут взяться? Тебя день и ночь охраняют имперские войска... Кстати, над чем ты там трудишься?

– Карту рисую, – ответил Конан с гордостью. – На тех картах, что имеются при дворе, неплохо показаны страны юга, запада и востока, но что касается севера, всюду либо белые пятна, либо такая чушь, что тошно смотреть... Вот я северной частью и занимаюсь. Смотри, здесь моя родная Киммерия. А здесь...

– Асгард и Ванахейм, – присмотрелся к карте Просперо. – Во имя Митры! До сего дня я склонен был полагать, что это выдуманые, баснословные страны!

Конан вдохновенно и яростно усмехнулся, тронув пальцем шрамы, рассекавшие смуглую кожу у него на лице.

– Проведи ты всю юность на северных границах Киммерии, ты бы так не считал! Асгард от нас аккурат к северу, а Ванахейм – к северо-востоку, и мира на наших рубежах отродясь не бывало...

– Ну и что они за люди, эти северяне? – заинтересованно спросил Просперо.

– Рослые, светловолосые, голубоглазые... Они поклоняются Имиру, ледяному великану, и каждое племя подчинено собственному королю. Что асы, что ваны несговорчивы и очень воинственны. Готовы драться день напролет, после чего всю ночь до утра глушить эль и орать свои дикарские песни...

– Значит, ты сам вроде них, – расхохотался Просперо. – Кто еще у нас охотник до крепкой выпивки, доброй шутки и молодецкой песни, если не ты? Нет, правда, сколько знал киммерийцев – пьют только воду, смеются раз в год по великому празднику, а что до пения – как затянут какой-нибудь погребальный плач, аж уши вянут...

– Может быть, все дело в нашей стране, – ответил король. – Я в целом свете не видал более сумрачных мест. Сплошные холмы, темный лес, вечно серое небо... Холодный ветер, горестно стонущий по долинам...

– Да уж, родина угрюмых людей, – передернул плечами Просперо. Перед глазами у него так и поднялись залитые солнцем, увитые голубыми лентами рек равнины милого Пуантена – самой южной провинции Аквилонии.

– Нашим людям особо не на что надеяться ни в этом мире, ни в загробном, – задумчиво продолжал король. – Мы поклоняемся Крому и его темному сонму, чье царство мертвых – страна без солнца, затянутая вечным туманом. Ох, Митра! Образ жизни асов всегда был мне как-то духовно ближе...

– Ну что ж, – улыбнулся Просперо. – По счастью, ты оставил унылые холмы Киммерии далеко позади... Ладно, Конан, мне пора ехать. Обещаю поднять за тебя добрый кубок немецкого белого при дворе короля Нумы...

– Добро, – кивнул король. – Только смотри не вздумай от моего имени целовать танцовщиц Нумы, а то еще международный скандал мне там наживешь!..

Раскатистый хохот короля долго провожал Просперо по дворцовому коридору...

III

*В подвалах мрачных пирамид великий дремлет Сет.
Его таинственных жрецов во тьме проложен след.
Я молю Слово вдалеке от солнца и огней:
Пришли для мести мне слугу, могучий древний
Змей!*

Дорога Королей

Солнце уходило с небес, облекая сине-зеленые лесные горизонты кратковременным золотом. Умиравший свет дня переливался на звеньях толстой золотой цепи, которую Дион Атталусский то и дело теребил пухлой рукой, сидя посреди неистово цветущего сада. Ерзя обширным сидением по мраморной скамье, Дион пугливо озирался, ни дать ни взять опасаясь внезапного нападения. Скамью обрамлял правильный круг стройных деревьев, чьи ветви сплетались над головой вельможи в густой полог. Неподалеку серебряным колокольчиком звенел фонтан, ему согласным хором отзывались другие фонтаны, разбросанные по саду.

Дион был здесь один – если не считать исполинского темного силуэта на ближней скамье. Оттуда за бароном внимательно наблюдали темные поблескивающие глаза. Дион, впрочем, меньше всего думал про Тот-Амона. Еще не хватало ему обращать внимание на какого-то там раба, которому оказывал необъяснимое доверие Аскаланте!.. Дион, как многие знатные богачи, был совсем не склонен лишний раз замечать тех, кто стоял ниже его.

– Не стоит так волноваться, – проговорил между тем Тот-Амон. – Заговор просто не может потерпеть неудачу.

– Аскаланте всего лишь человек, и он мог ошибиться! – отрезал Дион. При одной мысли о поражении его бросило в пот.

– Нет уж, только не он, – зло усмехнулся стигиец. – В ином случае я был бы его хозяином, а не рабом!..

– Это еще что за речи? – спесиво перебил Дион, не придавая, впрочем, особого значения их разговору.

Глаза Тот-Амона нехорошо сузились... Какой бы железной ни была его выдержка, сейчас он был близок к тому, чтобы взорваться. Слишком долго ему пришлось скручивать в душе чудовищный стыд, ярость и ненависть, слишком долго он ждал хоть какого-нибудь шанса восстать. Где ж тут было учесть то обстоятельство, что Дион в упор не признавал в нем человеческое существо, наделенное умом и достоинством. Для барона Тот-Амон был всего лишь безликий раб, не стоивший почти никакого внимания.

– Послушай меня, – сказал ему стигиец. – Очень скоро ты взойдешь на престол. Но ты понятия не имеешь, что представляет собой Аскаланте! Не вздумай ему доверять, когда падет Конан! Я же способен помочь тебе. И помогу, если, придя к власти, ты меня защитишь.

Слушай же, мой повелитель. Когда-то я жил на юге и был великим чародеем. Люди упоминали имя Тот-Амона наравне с именем Раммона... Мне оказывал немалые почести Ктесфон, король Стигии. Он прогнал от двора великое множество других магов и обласкал своей милостью меня одного. Соперники смертельно ненавидели меня, но и боялись, ибо я повелевал тварями с той стороны. Я вызывал их по своему хотению, и они были у меня на посылках. О Сет!.. Каждый вечер мои враги засыпали в страхе, зная, что посреди ночи их могут разбудить когти неведомого ужаса, сомкнувшиеся на горле!.. Я владел Змеиным Кольцом Сета и с его помощью творил темные и жуткие чудеса. Я обрел это Кольцо в незапамятно древней подзем-

ной гробнице, устроенной на глубине в целую лигу и забытой еще прежде, чем отдаленные предки людей покинули изначальное море.

К моему горю, некий вор похитил Кольцо и моему могуществу пришел конец. Маги, посрамленные мной, немедля восстали, желая моей смерти, и я вынужден был бежать. Переодевшись погонщиком верблюдов, я странствовал с караваном в стране Коф, когда на нас напали грабители Аскаланте. Они убили всех, кроме меня. Я спас свою жизнь, открывшись Аскаланте и поклявшись ему служить... Но какой же горькой для меня оказалась эта служба!

Чтобы еще крепче связать меня, он все изложил на пергаменте и отдал запечатанный свиток отшельнику, обитающему в южном Кофе. Потому-то я и не дерзаю ни заколоть его кинжалом во сне, ни выдать врагам. Ибо в случае его смерти отшельник сломает печать и все прочтет, как наказывал ему Аскаланте. Он отправится в Стигию и скажет там слово... – И вновь Тот-Амон содрогнулся, и пепельная бледность залила смуглые щеки. – Никто в Аквилонии не знает, кто я такой, – продолжал он. – Но стоит моим врагам-стигийцам только прознать, где я нахожусь, и даже расстояние в половину населенного мира не спасет меня от заклятия, способного вдребезги разнести сердце бронзовой статуи... Защитить меня способен только король, властитель замков и меченосного войска... Видишь, я поведал тебе свою тайну, Дион, и готов заключить с тобой соглашение. Моя мудрость сослужит тебе немалую службу, а ты можешь дать мне убежище. А когда рано или поздно я отыщу и вновь надену Кольцо...

– Кольцо? Какое еще кольцо?..

Тот-Амон недооценил полнейшее себялюбие собеседника. Дион, как выяснилось, его не слушал даже вполуха. А что ему занимать свой слух речами какого-то невольника? Он был слишком погружен в собственные мысли, его внимание привлекло лишь последнее слово.

– Кольцо?.. – повторил он. – Припоминаю что-то такое... Ах да, мое счастливое колечко! Ну как же, я прикупил его у одного шемитского вора – тот клялся, будто стырил его у какого-то южного колдуна, а посему оно должно приносить мне удачу... Митра свидетель, я втридорога заплатил негодяю! Клянусь всеми богами, сегодня удача мне требуется, как никогда. И дернуло же меня связаться в кровавые козни Вольманы и Аскаланте... Ну-ка, где мой перстенок?

Тот-Амон взвился, точно пружина, темная кровь бросилась ему в лицо, а глаза вспыхнули наконец-то прорвавшейся яростью и осознанием всей непомерной тупости напыщенного вельможи... Дион по-прежнему не обращал на раба никакого внимания. Сдвинув на мраморной скамье потайную крышечку, он принялся рыться в содержимом каменной ниши, перебирая варварские амулеты, кусочки заговоренных костей, какие-то аляповатые драгоценности... – все, что по трусости и суеверию собирал долгие годы.

– Ага, вот ты где! – И он с торжеством вытащил замысловатой формы перстень. Он был сделан из металла, похожего на медь: чешуйчатая змея свивалась тремя кольцами, держа во рту собственный хвост. В желтых камешках маленьких глаз дрожали злобные огоньки...

Тот-Амон вскрикнул, точно его пырнули ножом, и вот тут Дион, наконец оглянувшись на него, побелел от испуга. Глаза раба пылали страшным пламенем, рот скалился, длинные руки со скрюченными когтистыми пальцами тянулись вперед.

– Кольцо!.. – вскрикнул он пронзительно. – Во имя Сета, мое Кольцо!.. Мое украденное Кольцо!..

Сталь блеснула в его ладони, и одним движением смуглого плеча он вогнал кинжал по самую рукоять в жирное баронское брюхо. Дион тонко завизжал, его визг перешел в задушенное бульканье, и бесформенная туша осела наземь, оставшись лежать, точно груды подтаявшего масла. Несчастный глупец умер, успев испытать ни с чем не сравнимый ужас, но так и не поняв почему. Тот-Амон отшвырнул обмякшее тело – прах, более не имевший никакого значения, – и обеими руками подхватил Кольцо. Глаза стигийца горели алчностью и сумасшедшим ликованием.

– Мое Кольцо!.. – прошептал он с наводящим ужас восторгом. – Мое могущество!..

...Он сам не знал, долго ли он вот так сидел на корточках, лелея в ладонях злобную металлическую змею и питая ее аурой свою темную душу. Наконец он встряхнулся, возвращаясь к реальности из ночных бездн, в путешествие по которым пустилась было его душа, и увидел, что луна успела подняться. Лунный свет разрисовал непроглядными тенями гладкую спинку мраморной скамьи, у подножия которой виднелось нечто темное, неподвижное – бывший государь Атталусский, несостоявшийся король Аквилонии.

– Вот так-то, Аскаланте... вот так-то... – прошептал стигиец, и его глаза блеснули во тьме двумя красными бликами, как у вампира.

Нагнувшись, он зачерпнул из растекшейся лужи пригоршню загустелой крови и стал втирать ее в голову металлической змеи, пока желтые блики не покрыла алая пленка.

– Отврати взор свой, о хранящая тайну змея, – нараспев произнес он вгоняющим в дрожь шепотом. – Отврати взор свой от света луны и отверзни очи свои для исподнего мрака! Что видишь ты там, о вещая змея Сета? Кого призываешь ты из пределов вечной Тьмы? Чья тень готова покрыть меркнувший Свет? Вызови его для меня, о змея!

Его пальцы тем временем исполняли странный танец, особым образом поглаживая металлические чешуйки. Танец, чей замысловатый ритм начинался и оканчивался в одном и том же месте. Голос стигийца звучал все тише, так что посторонний слух уже не мог бы разобрать ни зловещих имен, ни ужасающих заклинаний, давным-давно позабытых повсюду в мире, кроме отдаленнейших уголков Стигии, где в тиши старинных кладбищ чутко дремлют жуткие тени...

И вот наконец неподалеку в воздухе наметилось некое движение, что-то вроде завихрения, производимого подводными существами, поднимающимися к поверхности. Иномировой ветер повеял на Тот-Амона могильным холодом, как если бы где-то рядом открылась дверь в неизвестное. Стигиец ощутил присутствие у себя за спиной, но оглядываться не стал. Он упорно смотрел на залитую лунным сиянием стену из гладкого мрамора, где начала оформляться неясная тень. Под непрерывный шепот заклинателя тень принялась расти, становиться все отчетливее и страшнее. Она чем-то напоминала гигантского бабуина, правда, таких бабуинов от сотворения мира не водилось нигде на земле, даже в Стигии. Тот-Амон по-прежнему не оглядывался. Вытащив из поясной сумки сандалию своего хозяина (хранимую в смутной надежде как раз на такое вот применение), он кинул ее себе за спину.

– Постигни же ее хорошенько, о раб Кольца! – воскликнул чародей. – Найди и уничтожь носившего ее! Взгляни ему в глаза и истреби его душу, прежде чем разорвать ему горло. Убей же его... – и в слепом порыве страсти Тот-Амон выкрикнул: – И всех, кто будет подле него!

Чудовищная тень, ясно видимая на мраморной стене, опустила голову, точно ищейка, готовая взять след... Кончив принюхиваться, жуткая тварь крутанулась – и пропала, только ветер прошумел в кронах деревьев.

Стигиец в невыразимом восторге потряс над головой вскинутыми руками, его зубы и белки глаз одинаково ярко белели в свете луны...

...Воин, стороживший городские укрепления, заорал от внезапного ужаса, когда невероятная тень с горящими глазами одним прыжком одолела стену и вихрем пронеслась мимо него, исчезнув в ночи. Все случилось до того быстро, что ошеломленный солдат так и остался гадать, не примерещилось ли ему...

IV

*Когда человек совсем изнемог
Во власти демонов злых,
На Сета я поднял огонь и клинок
И соки деревьев святых.
Сегодня в могиле покоюсь я,
А мимо века спешат.
Зыбыт ли я теми, от Змея чья
Была спасена душа?..*

Дорога Королей

В спальне короля Конана потолок был выполнен в виде высокого золотого купола, но спавшего под этим куполом сегодня донимали беспокойные сны. Он блуждал в вихрящихся серых туманах, сквозь которые до него доносился странный далекий зов. Зов был едва слышен, но Конан вскоре убедился, что не в его власти было выкинуть его из сознания. Вытащив на всякий случай меч, он двинулся сквозь туманы, как путешествующий по горам иной раз бредет сквозь облака. Голос, звавший его, между тем делался яснее и громче, и спустя некоторое время Конан разобрал слово, произносимое вдалеке.

Кто-то зывал к нему сквозь бездны пространства и времени, произнося его собственное имя.

И вот туман начал мало-помалу редеть, и Конан обнаружил, что бредет по гигантскому темному коридору, вырубленному в сплошной толще черного камня. Освещения не было заметно, но некоторым чудесным образом Конан ясно различал окружающее. Гладкие стены, пол и потолок тускло мерцали, переливаясь силуэтами древних героев и полузабытых богов. Конан невольно содрогнулся, приметив громадные смутные облики Безымянных Древних Сил, и ощутил необъяснимую уверенность, что никто из смертных не проходил этим коридором очень-очень давно. Наверное, уже много веков.

Потом началась широкая лестница, вырубленная из того же черного камня, сплошь обрамленная могущественными знаками столь неопикуемой силы и древности, что у короля Конана мороз пробежал по спине, когда он к ним присмотрелся. А ступени – каждую из них – украшало изображение мерзостного Древнего Змея, Сета, так что идущий как бы попирает старинного Врага каждым своим шагом. Конан понял и оценил замысел зодчего, вот только легче от этого ему почему-то не стало.

А голос все звал и звал его вперед, сквозь тьму, которую наверняка не смогли бы пронизать его глаза, будь он здесь во плоти. И наконец Конан вступил в обширный подземный зал... чтобы увидеть там каменную гробницу и восседающую на ней смутно видимую седобородую фигуру. У Конана аж волосы шевельнулись, он невольно схватился за меч... Но тут старец заговорил с ним.

– Знаешь ли ты, человеке, кто я такой? – осведомился он замогильным голосом.

– Клянусь Кромом, понятия не имею! – ответил король.

– О человек, я – Эпимитрий.

– Но... – Конан даже заикаться начал от изумления, – но ведь Эпимитрий Мудрый... он, то есть ты... полторы тыщи лет уже как помер!

– Внемли же! – повелительно прозвучало в ответ. – Камешек, брошенный в темный пруд, отсылает волны бежать к невидимым берегам. Так и происходящее в Незримом Мире отозвалось волнами, постукавшимися в мой сон. Я давно присматриваюсь к тебе, Конан из Кимме-

рии, и вижу печать избранничества на челе твоём, а в сердце – готовность к великим делам. Однако тебе противостоят немалые силы, и против них твой меч не помощник...

– Хватит загадками говорить, дед, – проворчал Конан. Ему было не по себе. – Мне бы этих врагов только увидеть, я бы сразу им зубов поубавил...

– Прибереги свою варварскую ярость для тех недругов, которые из плоти и крови, – строго ответила тень. – Мое дело – защитить тебя вовсе не от людей. Знай же: есть миры, о которых едва догадываются смертные, и в этих мирах полным-полно неназываемых чудовищных тварей. Лишь злые колдуны способны выкликать из Внешних Бездн эти сущности, заставляя их обретать плоть, чтобы когтить и рвать тех, на кого им укажут. Знай же, о венценосец, – в твоём доме свила гнездо змея! Скользящая гадина, выползшая из теней Стигии и несущая в темной душе своей самую черную премудрость. Спящему, чей разум настороже, обязательно приснится змея, подкрадываясь наяву, так и я ощутил опасное присутствие ученика Сета. Сейчас он упивается вернувшейся силой, он способен нанести удары, могущие поколебать твою державу, о Конан! Поэтому я и воззвал к тебе – воззвал, дабы вооружить тебя против стигийца и его демонической своры...

– Но почему?.. – недоумеваю, спросил Конан. – Люди говорят, ты спишь в черном сердце Голамиры, откуда во дни великой нужды посылаешь свой крылатый дух на выручку Аквилонии... Но я же... Я – варвар, я чужестранец на аквилонском престоле...

– Умолкни! – Властный голос гулко отдался под сводами угрюмой пещеры. – Твоя судьба неотделима от судеб Аквилонии. Грядущее чревато великими событиями, и я не потерплю, чтобы кровожадный чародей встал на пути державных свершений. Много веков назад мир задыхался в кольцах Змея Сета, как задыхается несчастная жертва, удушаемая питоном. И я всю жизнь бился против него – а мой век был втрое длиннее, чем у обычных людей. И я загнал-таки его во мрак таинственного Юга, и лишь в Стигии люди, как встарь, поклоняются тому, кого мы называем Великим Врагом. А я, дравшийся прежде с Сетом, поныне не даю спуска его посланцам, ученикам, поклонникам и клеветам... Дай мне твой меч!

По-прежнему мало что понимая, Конан тем не менее повиновался. И там, где широкое лезвие соединялось с тяжелой серебряной рукоятью, костлявый старческий палец начертал символ, вспыхнувший в потемках белым огнем. Тотчас пропали и старец, и подземный зал, и гробница... а Конан, тяжело дыша, вскинулся на ложе под золотым куполом своей опочивальни. Он вскочил, озираясь, сиюсь разобраться в странностях промелькнувшего сна... И обнаружил, что действительно сжимает в руке меч. И вот тут у него в самом деле шевельнулись волосы на затылке, потому что на знакомом клинке оказался выгравирован символ, которого прежде там не было, – силуэт феникса.

Конан сразу вспомнил каменное изваяние феникса, осенявшее крыльями гробницу в приснившейся ему пещере, и задался невольным вопросом: а было ли то просто каменное изваяние?..

От подобных размышлений у короля снова пробежал по коже мороз...

Конана вернул к реальности звук крадущихся шагов, еле слышно донесшийся из-за двери. Король не стал выяснять, кто там крадется, а принялся быстро и бесшумно облачаться в боевую броню. В нем снова проснулся варвар, чуткий и бдительный, словно волк на охоте. Правду молвить, этот варвар никогда крепко и не засыпал...

V

*Что мне до вашей тонкой лжи, до злата и интриг?
Я к первородной простоте с младенчества привык.
Молчат лукавые уста, когда глаголет меч...
Ворвитесь и умрите, псы! Я сам иду навстречь!*

Дорога Королей

Сквозь темноту и тишину дворцового коридора крались два десятка незваных гостей. Их ноги, босые либо в мягкой кожаной обуви, неслышно скользили по мрамору и толстым коврам. Редкие факелы, установленные в нишах, бросали кровавые отсветы на загодя обнаженные кинжалы, мечи и остро отточенные топоры.

– Тихо там!.. – прошипел Аскаланте. – Кто это из вас так громко пыхтит? А ну прекратить!.. Начальник ночного караула убрал из этих покоев кого только мог, а остальных мертвецки напоил не для того, чтобы нас погубила собственная неосторожность... Эй, все назад!.. Стража идет...

Заговорщики шарахнулись назад, прячась в густой тени за колоннами, и очень скоро мимо них мерным шагом проследовали десять гигантов в черной броне. Они с сомнением поглядывали на старшину, который зачем-то уводил их с назначенного поста... Сам этот старшина выглядел неестественно бледным. Когда воины проходили место, где прятались заговорщики, он трясущейся рукой смахнул со лба пот... Старшина был молод, и решение предать короля далось ему нелегко. Будь она проклята, эта расточительная любовь к пустой роскоши, из-за которой он оказался по уши в долгах и стал пешкой в руках интриганов!..

Позвякивая латами, стражники прошагали мимо и скрылись в глубине коридора...

– Отлично, – усмехнулся Аскаланте. – Итак, Конан спит беззащитным. Поторопимся же! Если нас застигнут в момент убийства, нам конец. Но кому понадобится заступаться за уже мертвого короля?

– О да, поторопимся! – воскликнул Ринальдо, чьи голубые глаза сверкали еще ярче клинка, вздетого над головой. – Мой меч жаждет!.. Я слышу шорох крыльев над головой – это стервятники собираются к падали! Вперед!..

Они во всю прыть, уже почти не скрываясь, устремились дальше по коридору и наконец остановились перед позолоченной дверью. На ней красовался царственный дракон – герб Аквилонии.

– Громель! – позвал Аскаланте. – Ну-ка высади мне эту дверь!

Исполин набрал побольше воздуха в грудь – и всем телом протаранил резные панели. Дверь застонала и подалась. Новый удар... Дверь отозвалась треском дерева и скрипом металла – и, сорвавшись с петель, рухнула внутрь.

– Вперед!.. – взревел Аскаланте, опьяненный первой удачей и самой необратимостью содеянного.

– Вперед!.. – закричал Ринальдо. – Смерть тирану!..

Они дружно качнулись внутрь опочивальни... И замерли на месте.

Перед ними стоял король Конан.

Но не голый, ошарашенный и безоружный, каким они его себе представляли, разбуженный внезапным вторжением и готовый умереть под ударами, точно баран на бойне... Ничуть не бывало! Перед ними стоял могучий и яростный варвар, успевший накинуть кольчугу и схватить в руки меч!

На какой-то шаткий миг они замерли друг против друга: четверо мятежных вельмож в проеме высаженной двери, негодяйские рожи у них за спиной... – и великан с горящими глазами, стоявший с мечом наготове посреди озаренной свечами опочивальни... Правду молвить, заговорщикам было от чего прийти в замешательство! Но вот Аскаланте заметил на столике возле ложа серебряный скипетр и тонкий золотой обруч – знаки монаршей власти Аквилонского королевства, – и это зрелище лишило его остатков здравого смысла.

– Вперед, мои головорезы! – взревел бывший царедворец. – Он без шлема, и нас тут двадцать на одного!

Конану в самом деле не достало времени на то, чтобы надеть тяжелый пернатый шлем или зашнуровать как положено боковины кирасы. Он даже щит со стены сорвать не успел. Тем не менее доспехов на теле короля было побольше, чем у любого из заговорщиков, кроме Вольманы и Громеля, явившихся в полном вооружении.

Сурово и грозно смотрел на них Конан, пытаясь угадать, кто же это на него нападает. Аскаланте был ему незнаком, еще двое прятали лица за опущенными забралами, а Ринальдо стянул на самые глаза широкополую шляпу. Впрочем, на то, чтобы строить догадки, времени уже не было. Со слитным воплем, потрясшим дворец до самой крыши, убийцы хлынули в комнату. Громель наскочил на Конана первым – низко пригнувшись, точно атакующий бык, он держал меч наперевес, чтобы первым же выпадом выпустить противнику кишки. Конан рванулся навстречу, вкладывая в размах меча всю свою тигриную мощь. Свистящий клинок вычертил в воздухе серебряную дугу и обрушился боссонцу на шлем... Страшный удар вдребезги разнес и шлем, и оружие. Громель рухнул на пол бездыханным, Конан же отскочил назад, сжимая осиротевшую рукоять.

Разбитый шлем обнажил знакомые черты предводителя Черного Легиона, и глаза короля вспыхнули яростью.

– Громель! – вырвалось у него, как плевков...

А в следующий миг на него насада вся остальная свора. Чей-то кинжал скользнул по его ребрам между половинками кирасы, перед самыми глазами мелькнул обнаженный меч... Левой рукой Конан отшвырнул владельца кинжала, а правой, точно кастетом, обломанной рукоятью шарахнул меченосца в висок – так, что мозги брызгами полетели ему в лицо.

– Вы там, пятеро, стерегите дверь!.. – завизжал Аскаланте, мечась возле края лязгающего стального водоворота. Он боялся, как бы Конан не прорвался сквозь ряды заговорщиков и не выбежал в коридор.

Негодяи подались назад все сразу – откуда им было знать, к кому именно обращался главарь, – а Конан, воспользовавшись мгновением передышки, метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, что висел там, никем не тревожимый, добрых полвека.

Стоя спиной к стене, киммериец обвел глазами готовое сомкнуться кольцо головорезов, а потом... потом прыгнул вперед, в самую гущу врагов. Обороняться? Еще чего! Каким бы погибельным ни было неравенство сил, Конан-варвар признавал только один вид боя – нападение!

В нынешних обстоятельствах любой другой воин уже давно бы погиб, да и сам Конан не особенно надеялся выжить... Но прежде чем пасть, он был намерен забрать с собой как можно больше врагов. Его варварская душа пылала восторгом смертного боя, и песни о древних героях отдавались в ушах.

Летя в прыжке от стены, он стремительным ударом разрубил одному из нападавших плечо и тут же наотмашь сплющил череп другому. Кругом ядовитыми гадюками свистели в воздухе чужие мечи, но смерть всякий раз промахивалась, пускай и на волосок. Киммериец двигался до того быстро, что глаз не успевал уследить. Он прыгал, крутился и стелился по полу, точно тигр в стае обезьян. Враги никак не могли попасть по нему, между тем как его топор знай выписывал смертоносные полосы и круги...

Начавшие отчаиваться убийцы в какой-то момент попытались просто смять его числом, загоняя в угол и вслепую осыпая ударами; однако им помешала их собственная численность, и, не совладав, они вновь отшатнулись, оставив двоих мертвецов лежать на полу немymi свидетелями ярости короля-варвара.

У самого Конана тоже кровоточили раны на плече, шее и обеих ногах, но он крепко стоял и был готов драться.

– Сброд! Проходимцы! – вскричал Ринальдо, срывая и отшвыривая прочь шляпу с пером. Его глаза безумно горели. – Вы что, бежать изготовились? Бежать и оставить жизнь деспоту?.. Покончим же с ним!

И он очертя голову устремился вперед, пытаясь то ли рубить, то ли колоть, но Конан, узнав его, ограничился тем, что коротким страшным ударом раскрошил у него в руке меч, после чего ладонью свободной руки отшвырнул поэта далеко в сторону. Почти сразу ему пришлось отмахиваться от клинка Аскаланте, и беглый вельможа спасся от свистящего топора только тем, что сложился вдвое и отлетел спиной вперед прочь. Опять закружилась хищная стая, и снова топор Конана запел свою смертоносную песнь... Вот какой-то нечесаный разбойник нырнул под удар и бросился королю в ноги, желая его повалить... С таким же успехом он мог бы ронять железную башню. Осознав неудачу, он вскинул глаза – как раз вовремя, чтобы заметить опускающийся топор... Больше он не успел уже ничего.

Именно в этот момент кто-то из его товарищей метко рубанул широким двуручником и рассек наплечник короля, ранив прикрытое им плечо. Кираса Конана немедленно наполнилась кровью.

Завидев это, Вольмана расшвырял своих товарищей вправо и влево и в победном нетерпении подскочил ближе, нацеливая смертельный удар в ничем не защищенную голову короля. Конан, однако, успел пригнуться, и вместо головы лезвие смахнуло лишь прядь его густых черных волос. Не теряя времени даром, Конан с разворота всадил топор во вражеские доспехи. Сталь беспомощно хрустнула, проминаясь и лопаясь под ударом, и заговорщик упал замертво.

– Вольмана, – выдохнул Конан. – Ну, коротышка, доберусь же я до тебя, когда попаду в преисподнюю...

Выпрямляясь, он оказался нос к носу с Ринальдо. Безумный поэт ринулся на него, беспорядочно размахивая кинжалом. Конан отшатнулся прочь, защитным движением скидывая топор.

– Назад, Ринальдо! – приказал он с яростью и отчаянием. – Ну не хочу я тебя убивать!..

– Умри, тиран!!! – завизжал спятивший стихотворец и, не разбирая дороги, бросился на короля.

Конан всячески пытался его уберечь, он до последнего медлил с ударом, которого очень не хотел наносить, и отмахнулся, только когда кинжал Ринальдо ткнулся ему в незащищенный бок.

Иначе ему пришлось бы умереть самому...

Ринальдо запрокинулся и осел, Конан же, шатаясь, привалился к стене.левой рукой он зажимал рану в боку, и между пальцами густо текла кровь.

– Вперед, вперед, добейте его! – кричал Аскаланте.

Опираясь на стену, Конан снова поднял топор... В эти мгновения с него можно было ваять памятник несгибаемому первобытному мужеству. Ноги широко расставлены, одна рука упирается в стену, другая заносит топор, синие глаза жутко горят на оскаленном, залитом кровью лице, жилистые мышцы вздулись коваными буграми...

Он был до того страшен, что нападающие невольно попятились. Все эти отпетые головорезы и прожженные негодяи вышли из худо-бедно цивилизованной среды, а тут перед ними был истинный варвар, дикий хищник, природный убийца. И они отступили, потому что умирающий тигр был способен причинить смерть еще не раз и не два...

Конан ощутил их неуверенность и ощерился еще страшнее.

– Ну? – прохрипел он разбитым, окровавленным ртом. – Кому первому не терпится на тот свет?..

Аскаланте прыгнул, как волк. И, как волк, сумел остановиться на середине прыжка, чтобы с невероятным проворством распластаться на полу и уйти от смерти, с шипением взметнувшейся навстречу. Кое-как он успел подобрать ноги и откатиться в сторону, ибо Конан, промазав с ударом, замахнулся опять. На сей раз лезвие глубоко врубилось в мраморный пол совсем рядом с ногами вертящегося волчком Аскаланте.

Один из головорезов выбрал этот момент для стремительного броска. Он намеревался убить Конана, пока тот будет выкорчевывать из пола топор, но ошибся в расчетах. Кровавая сталь взвилась навстречу... и отбросила под ноги нападавшим нечто бесформенное, совсем недавно бывшее человеком.

И в этот самый миг у пятерых негодяев, приставленных стеречь дверь, слитно вырвался ужасающий вопль, а на освещенную стену пала непроглядная уродливая тень. На вопль обернулись все, кроме Аскаланте... а еще через миг вся толпа уцелевших ломанулась в дверь, богохульствуя и по-собачьи подвывая от невыразимого страха.

Вот уже крики мерзавцев затихли в темноте коридора, но Аскаланте так и не оглянулся. Он смотрел лишь на израненного короля. Не иначе отчаянные вопли беглецов подняли на ноги весь дворец, так что следовало ждать скорого прибытия стражи... и оставалось неясным, что же могло обратить его закаленных разбойников в столь поспешное бегство...

Конан на дверь тоже не смотрел – он следил за бывшим вельможей немигающим взглядом обреченного, но все еще грозного волка. А потом Аскаланте вдруг заговорил, и оказалось, что даже в такой момент аквилонцу не изменила его циничная философия.

– Все пропало, в особенности – честь, – пробормотал он. – Зато король, чего доброго, так стоя и помрет, и...

К каким дальнейшим умозаключениям он еще мог прийти, так и осталось навсегда неизвестным, ибо, не довершив последней фразы, Аскаланте снова устремился на Конана, подгадав, когда тот будет вынужден свободной рукой утереть кровь, заливавшую ему глаза.

Но едва он начал атаку, как в воздухе наметилось некое движение, и тут же ему на спину между лопаток обрушился удар чудовищной туши. Аскаланте швырнуло вперед, в его тело мучительно впились кривые длинные когти... Корчась в муках под придавившей его тяжестью, Аскаланте кое-как вывернул шею... только для того, чтобы уставиться прямо в морду воплощенному кошмару, порождению безумия. Его терзала черная тварь, просто не имевшая права принадлежать к этому миру. Клыки, облитые темной слюной, тянулись к его горлу, а взгляд желтых глаз заставлял душу и тело трепетать былинками на жестоком ветру.

Ни одно обычное животное, даже самое лютное, не способно было навевать подобный ужас. Такая морда могла бы быть у злобной древней мумии, пробужденной темными чарами к чудовищному подобию жизни. Но самое страшное было то, что в чертах иномировой твари лезущие из орбит глаза жертвы вдруг уловили некое ускользающее сходство с физиономией презренного раба – Тот-Амона. Вот тут Аскаланте не помог весь его привычный цинизм. Дико закричав, он испустил дух еще прежде, чем слюнявая пасть добралась-таки до его глотки.

Конан между тем наконец протер от крови глаза – и застыл в недоумении. Сперва ему показалось, будто над телом Аскаланте стоял громаднейший черный пес; потом, окончательно проморгавшись, он понял, что это был не только не пес, но даже и не бабуин.

С криком, который словно эхо повторил предсмертный вопль Аскаланте, Конан качнулся вперед от стены – и встретил прыгнувшую тварь броском топора, в который была вложена вся сила его отчаяния, вся резкость воспаленных нервов... Сталь со звоном отскочила от

покатого черепа, который должна была разрубить, и силой столкновения короля отбросило на другой конец опочивальни.

Падая, Конан вскинул руку защитить горло, и его кисть немедленно оказалась в отвратительной пасти чудовища... Но оно почему-то не поспешило смыкать челюсти в мертвой хватке. Оно лишь вперило взгляд в глаза короля, в которых скоро начало возникать подобие того же самого страха, что до сих пор отражался в зрачках мертвого Аскаланте. Конан ощутил, как подались самые корни его души, как ее начало исторгать из тела и затягивать в желтые колодцы вселенского ужаса, что громоздился над ним, готовясь поглотить его жизнь и ясный рассудок. Глаза монстра все росли и росли, заставляя уверовать в вещественность непостижимо богомерзких созданий, таящихся во внешней тьме мироздания. Конан хотел закричать от ненависти и омерзения, но из горла вырвался только сухой хрип...

Но даже для этого порождения преисподней киммериец не оказался легкой добычей! Не в пример Аскаланте, умершему от страха, Конан взорвался лютым бешенством, не имевшим никакого отношения к здравому смыслу. Невероятным усилием всего тела он рванулся прочь, наплевав на неистовую боль в пронзенной клыками руке. Ему удалось сделать движение и увлечь с собой навалившееся чудовище, его свободная ладонь зашарила по полу... и вдруг нащупала что-то, в чем недреманная память воина тотчас опознала знакомую рукоять поломанного меча. Не думая, Конан схватил подвернувшееся под руку оружие и ударил им, точно кинжалом, собрав воедино всю мощь мускулов, сухожилий и нервов... Обломанный клинок вошел неожиданно глубоко, и пасть на руке Конана вдруг разжалась, а у чудовища вырвалось нечто вроде болезненного всхлипа. Выползок из тьмы оказался в итоге не таким уж и неуязвимым!.. Вот по телу монстра прошла жуткая судорога, короля отбросило далеко прочь, и, приподнявшись на локте, он оцепенело следил, как бился и корчился на полу его враг, а из раны, нанесенной обломком клинка, тугими струями хлестала черная кровь... Вот корчи постепенно затихли, сменившись последними подергиваниями... И наконец тварь распростерлась на мраморе, глядя в потолок остановившимися желтыми зенками. И Конан, заморгав, принялся тереть кулаком глаза: ему показалось, будто мертвая туша тает, теряет очертания и расплзается в черную слизь...

И тут на пороге зазвучали знакомые голоса, и опочивальня заполнилась наконец-то проснувшимися придворными – рыцарями, вельможами, дамами, воинами, советниками... Все они одновременно попытались что-то говорить или кричать, суетились и мешали друг дружке. Подоспели Черные Драконы, раздосадованные и разъяренные, и, ругаясь на множестве языков, мигом растолкали придворных.

Недоставало лишь одного молодого старшины, отвечавшего в эту ночь за охрану королевской спальни. Его так и не разыскали – ни в ту ночь, ни потом...

– Громель! Вольмана! Ринальдо!.. – Публий, старший советник, заламывал руки, стоя над трупами заговорщиков. – Какое черное предательство!.. Нет, кое-кто у меня сейчас определенно попляшет... Стражу сюда!..

– Здесь стража, старый ты дурень, – презрительно перебил Паллантид, предводитель Черных Драконов. В этот судьбоносный момент ему было не до чинов. – Хватит уже причитать, помоги лучше королю раны перевязать, пока он кровью насмерть не истек! Неужели не видишь, что на нем живого места нет?

– Конечно, конечно, сейчас, – засуетился Публий. Он умел держать речи в Совете, но человеком действия его нельзя было назвать. – Короля необходимо перевязать. Живо сюда всех лекарей во дворце! О государь, что за черное пятно на чести нашего города...

– Дайте вина!.. – прохрипел Конан с кушетки, на которую его успели уложить. Ему тотчас поднесли большой кубок, и он выхлебал вино окровавленным ртом с жадностью человека,

полумертвого от жажды. – Вот так-то лучше, – пробормотал он, откидываясь на подушки. – Ну и паршивая, однако, работенка – людей убивать...

Умелые руки успели остановить кровь, и природное жизнелюбие варвара уже понемногу брало свое.

– Посмотри для начала дырку в боку, – велел он примчавшемуся дворцовому лекарю. – Ринальдо мне там неплохой росчерк оставил... а перо у него всегда было острое...

– Давно надо было повесить мерзавца, – сокрушался Публий. – От поэтов вечно жди неприятностей... Э, а это еще кто?

И он пугливо пихнул ногой в сандалии мертвого Аскаланте.

– Во имя Митры! – вырвалось у Паллантида. – Да это ж Аскаланте, бывший граф Тунский! Его-то каким поганым ветром занесло сюда из пустыни?

– И почему у него такой ужас в глазах? – отступая прочь, прошептал Публий.

У него самого вдруг необъяснимо расширились глаза, и словно ледяная рука провела по пухлому затылку против хода волос. Все остальные тоже замолчали, вглядываясь в лицо убитого вельможи.

– Посмотрели бы вы на то, что довелось увидеть мне... – проворчал король. И сел на постели, невзирая на протесты лекарей. – А впрочем, вон оно там валяется. Смо... – И он умолк на полуслове. Его палец показывал в никуда. На месте, где околела тварь, теперь ничего не было видно. – Кром! – выругался Конан. – Эта холера растаяла и утекла назад в нечистые сферы, ее породившие!

– Король в горячке... он бредит... – прошептал кто-то из царедворцев.

Конан услышал этот шепот и разразился божбой, мало подходившей его царственному достоинству.

– ...Во имя Бадб, Морриган, Махи и Немайн! – довершил он серию богохульных проклятий. – Я вам покажу, в какой я горячке! Эта дрянь была точно помесь стигийской мумии с бабуином! Она ворвалась в дверь, и разбойники Аскаланте в ужасе от нее разбежались. Она убила Аскаланте, который как раз собирался меня пырнуть. А потом надела на меня... ну, я ее и прикончил, хотя сам не пойму, как это удалось. Топор-то от нее отскочил, как от каменной... Должно быть, дело не обошлось без Премудрого Эпимитрия, или как его там...

– Вы слышите? – снова зашептались придворные. – Несомненная горячка. Он поминает Эпимитрия, а тот умер пятнадцать столетий назад...

– Клянусь Имиром! – взревел король. – Этой ночью я разговаривал с Эпимитрием, вот как сейчас с вами! Он воззвал ко мне в сновидении, и я шел к нему по черному каменному коридору, сплошь в изображениях всяких старых богов, и там был каменный алтарь на ступеньках, каждая с выгравированным Сетом, а потом пещера с гробницей и фениксом...

– Ради Митры, о мой повелитель, умолкни, прошу тебя! – подал голос первосвященник, бледный, точно зола.

Конан вскинул голову движением льва, встряхивающего гривой, и его голос отдавал эхом гневного львиного рыка:

– Я тебе что – раб, чтобы по каждому твоему чиху рот закрывать?

– Ни в коей мере, о государь! – Жреца так и трясло, но вовсе не из страха перед монаршей немилостью. – Я вовсе не хотел тебя оскорбить... – И, низко нагнувшись, он зашептал так, чтобы лишь Конан слышал его: – Государь мой, ум человеческий не в силах постичь случившееся с тобой... Лишь узкому кругу посвященных в высшие тайны известно о черном каменном коридоре, прорезанном неведомыми руками до самого сердца горы Голамира, и о фениксе, хранящем покой могилы, в которой пятнадцать веков назад был погребен Эпимитрий. С тех пор ни единая живая душа не входила туда – ибо, опустив Мудреца во гроб его вечного упокоения, избранные жрецы наглухо замуровали внешний выход из коридора. Сегодня даже нам, высшему жречеству, доподлинно неизвестно, где он находится... Лишь несколько

человек поколение за поколением из уст в уста передают, что – да, Эпимитрий воистину покаялся там, в черном сердце Голамиры... И это одна из Святых Тайн, на которых держится поклонение Митре!

– Ну, мне-то почем знать, какой такой магией Эпимитрий меня призывал, – проворчал в ответ Конан. – Но я точно с ним говорил! И он еще пометку сделал на клинке моего меча, да такую, что демон издох от первого же удара. Меч я, правда, в самом начале заварухи сломал о башку Громеля, но и кусочка хватило, чтобы адская тварь испустила дух. А что тут к чему и какие за всем этим чары – не моего ума дело...

– Позволь же мне взглянуть на твой меч, – прошептал священник, и голос его дрогнул, потому что в горле неожиданно пересохло.

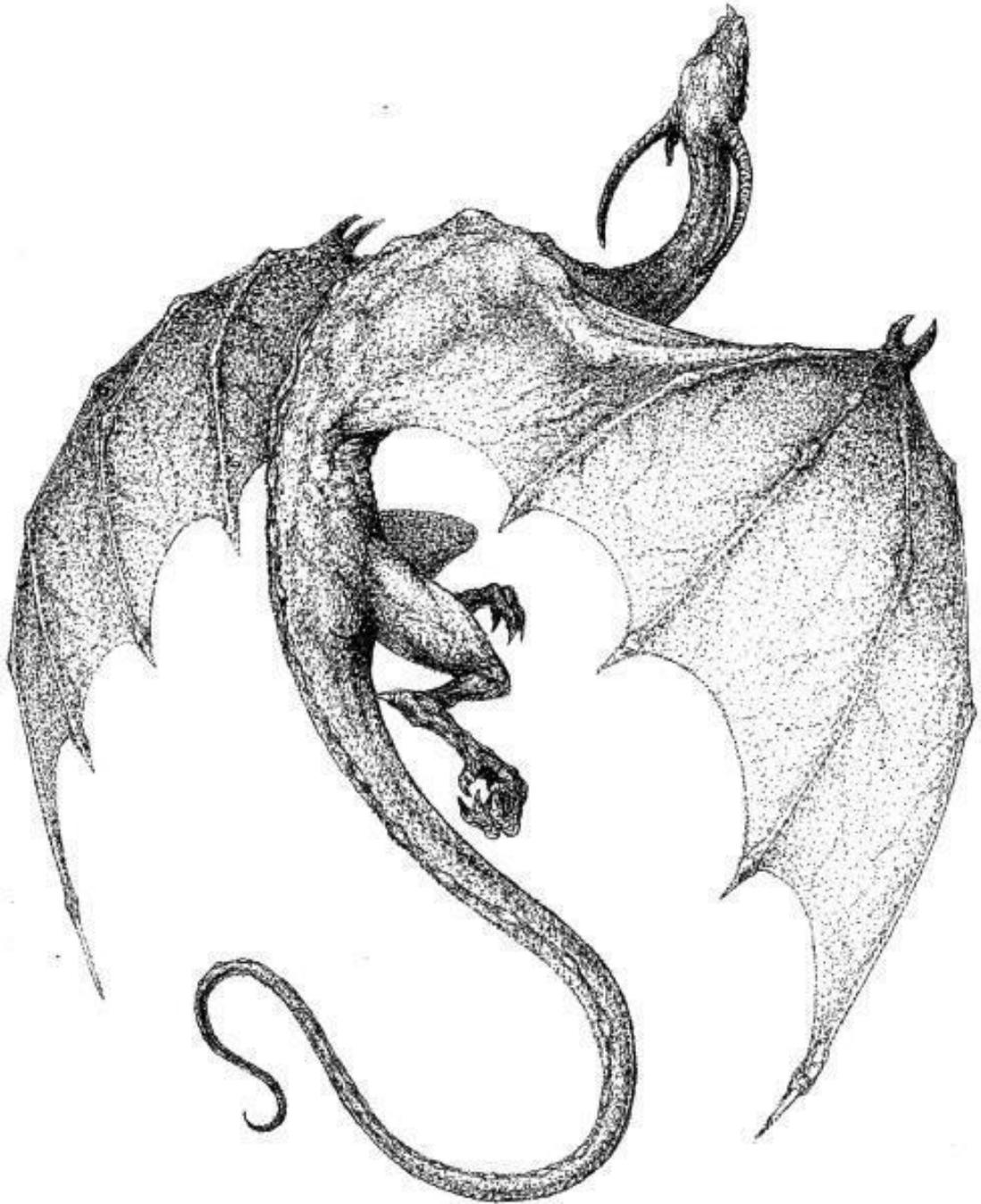
Конан протянул ему рукоять с обломком клинка, и жрец, вскрикнув, тут же рухнул на колени.

– Митра да защитит нас от сил тьмы!.. – вырвалось у него. – Воистину, наш король нынче ночью виделся и говорил с Эпимитрием! Вот здесь, на мече – это тайный знак, который мог нанести лишь Мудрец, и никто, кроме него! Символ бессмертного феникса, вечно бдящего над его могилой!.. Свечу мне, скорее! Дайте я взгляну повнимательнее на то место, где, как говорит король, умерло порождение бездны...

Место это находилось позади разломанной ширмы. Ее мигом убрали, и мраморный пол залился светом множества свечей... Народ разом ахнул и замолчал. Потом кто-то упал на колени, взывая к Митре, а кто-то, наоборот, с визгом кинулся вон.

Ибо там, на полу, где издохло страшилище, осязаемой тенью распростерлось темное пятно, которое впоследствии так и не сумели отмыть. Растекшаяся кровь твари четко очертила контуры ее тела, и было ясно с первого взгляда, что подобное тело никак не могло родиться под звездами этого мира. Жуткий силуэт распластался на полу, словно тень какого-нибудь обезьяноподобного бога с темного алтаря в недоброй стране Стигии...

Королева Черного побережья

1. Конан присоединяется к пиратам

*Поверь весне и новому началу,
Когда седой багрянец осень дарит;
Поверь – лишь для тебя я воспылала*

Неведомым допрежь сердечным жаром...

Песнь Бёлит

Конский топот стремительным громом раскатывался по улицам, спускавшимся к пристани. Народ с воплями разбежался кто куда, успевая лишь мельком заметить вороного жеребца и на нем – всадника в кольчуге и широком алом плаще, развевавшемся на ветру. Некоторое время спустя по тем же улицам с топотом и криком пронеслась погоня, но всадник и не думал оглядываться. Вылетев на причал, он так осадил разогнавшегося коня, что тот взвился на дыбы у самого края настила. Мореходы, как раз изготовившиеся распустить парус и сесть на весла острогрудой галеры, в изумлении разинули рты. Хозяин корабля – коренастый чернобородый мужчина – уже стоял на носу, упираясь в причал багром. В следующий миг он разразился негодующим криком, потому что всадник покинул седло и могучим прыжком перелетел прямо на палубу.

– Эй, ты! Тебя кто сюда приглашал?

– Давай отчаливай поживее! – рявкнул в ответ непрощенный гость.

И сопроводил свои слова недвусмысленным жестом, а поскольку в руке у него был окровавленный меч, на палубу полетели багровые капли.

– Но мы идем к берегам Куша!.. – попытался спорить судовладелец.

– Ну тогда и мне в Куш, – прозвучал ответ. – Отчаливай, тебе говорят!

И человек в кольчуге бросил быстрый взгляд на берег, где из-за угла как раз появился конный отряд, а за всадниками бежали стрелки с арбалетами на плечах.

– А деньги на проезд у тебя есть? – поинтересовался хозяин корабля.

– Я тебе вот чем сейчас заплачу! – взревел незнакомец и размахнулся здоровенным мечом. – Клянусь Кромом, если ты сейчас же не отчалишь, я всю эту посудину кровью залью, твоей в первую очередь!

Довод оказался весомым, к тому же корабельщик неплохо разбирался в людях. Стоило один раз посмотреть на темное, покрытое шрамами лицо незваного гостя, чтобы понять – этот шутить не будет! Хозяин галеры выкрикнул короткую команду и навалился на багор. Корабль качнулся, и между ним и причалом пролегла полоса воды. Вот опустились на воду весла, ритмично заходили вперед-назад; и наконец порыв ветра наполнил блеснувший под солнцем парус, галера, набирая ход, устремилась прочь от берега.

Преследователи, оставшиеся ни с чем, бессильно топали ногами, размахивали оружием и выкрикивали угрозы, приказывая кораблю немедленно поворачивать к пристани. Стрелки лихорадочно заряжали арбалеты, пытаясь обстрелять галеру, пока она была в пределах досягаемости.

– Пусть хоть лопнут, – сурово усмехнулся человек в кольчуге. – Следуй своим курсом, шкипер!

Хозяин корабля покинул ют, прошагал между рядами гребцов и поднялся на среднюю палубу. Незнакомец стоял спиной к мачте и, прищурившись, держал меч наготове. Корабельщик ответил ему спокойным взглядом, стараясь даже случайно не дотрагиваться до длинного ножа, висящего на поясе у него самого.

Воин, так бесцеремонно вторгшийся на судно, был высокого роста и могучего сложения, в тяжелой чешуйчатой кольчуге, блестящих поножах и шлеме из голубоватой стали, украшенном полированными бычьими рогами. Алый плащ развевался на морском ветру, из-под шлема ниспадала на плечи густая черная грива и горели синие, свирепые, пронзительные глаза.

– Раз уж нам придется путешествовать вместе, значит, и ссориться незачем, – миролюбиво проговорил корабельщик. – Я – Тито, уважаемый купец в портовых городах Аргоса. Сей-

час держу путь в Куш и надеюсь, черные короли этой страны продадут мне слоновую кость, копру, медную руду, рабов и жемчуг за бусы, шелк, сахар и мечи с латунными рукоятками!

Незнакомец еще раз оглянулся на уже далекий причал, где бессильно бесновалась погоня. Вероятно, им вряд ли удастся быстро найти судно, способное поспорить с быстроходной галерой.

– А я – Конан из Киммерии, – проговорил воин. – Я приехал в Аргос искать заработка, но здесь у вас не предвидится войн, а стало быть, и работы для такого, как я.

– А почему за тобой гнались стражники? – осведомился Тито. – Не то чтобы меня это каким-то боком касалось, но...

– Мне скрывать нечего, – ответил киммериец. – Клянусь Кромом, вроде сколько лет уже среди вас живу, но вы, цивилизованные люди, не устаете меня поражать!

Прошлой ночью я сидел в таверне... И видел, как капитан королевской стражи решил полапать возлюбленную молодого воина, ну а тот рассвирепел, конечно, всадил ему клинок в потроха. Поделом вроде? Так нет же, у вас, похоже, закон есть, по которому королевского стражника пальцем не тронь. Парень с девушкой пустились в бега, а кто-то возьми и донеси, будто меня с ними видели. И вот сегодня меня схватили и притащили на суд. Пристали с расспросами, где прячутся беглецы. Я, как ты понимаешь, отвечаю судье, что парень – мой друг, а стало быть, выдать его нипочем не могу. Судья стал твердить мне о каком-то там долге перед страной, обществом и королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Отвечай, говорит, куда они скрылись, а не то!..

Тут я и сам здорово обозлился – ведь вроде все уже сказал, чего им от меня еще надо, – однако стою, молчу... Они кричать стали о непочтении к правосудию, пообещали в рудниках меня сгноить! Мне это не понравилось. Достал меч, срубил голову самому главному и, не говоря ни слова, пробился к выходу. Потом вскочил на жеребца начальника стражи, и к гавани галопом. Должен же там, думаю, отыскаться какой-нибудь корабль, идущий в дальние страны... Вот и вся история!

– Судьи, – сплюнул Тито. – Вот кого не люблю. Сколько доводилось мне тягаться против богатых купцов, столько же меня и обдирали как овцу. Если я еще когда-нибудь загляну в здешний порт, мне, полагаю, придется ответить на кое-какие вопросы, но я легко докажу, что действовал по принуждению. Можешь убрать меч в ножны, Конан. Мы – мирные мореплаватели и не держим против тебя никакого зла. К тому же, я думаю, нам на борту не помешает вооруженный боец вроде тебя! Пошли ко мне на корму, выпьем вина.

– Ну и отлично, – пряча оружие, с готовностью согласился киммериец.

«Аргус» был выносливым суденышком из тех, что снуют между портами Зингары и Аргоса и прокладывают торговые пути вдоль побережий южных земель, редко отваживаясь измерять ширь открытого океана. Галера имела широкий корпус с высокими, красиво изогнутыми носом и кормой. Управлялась она длинным рулевым веслом, а парусную оснастку составляли прямой полосатый шелковый парус и небольшой кливер. Во время штиля команда садилась на весла – по десять с каждой стороны, поровну до и после средней палубы. Под этой палубой, а также под носовой надстройкой хранилась самая ценная часть груза. Люди укладывались спать прямо под скамьями, в скверную погоду сверху натягивали шатер. Двадцать гребцов, трое рулевых и шкипер – вот и вся команда.

И вот «Аргус» резво бежал к югу, подставляя паруса попутному ветру. День ото дня солнце грело палубу все жарче, так что полосатые шатры, окрашенные в те же цвета, что и парус, так и висели свернутыми, а позолоченная резьба на форштевне галеры ярко сверкала, отражаясь в бегущей мимо воде.

Потом вдали показались берега Шема – холмистые, покатые зеленые луговины, коронованные белыми силуэтами городов. К самому прибою выезжали горбоносые всадники с

иссиня-черными бородами; они подозрительно рассматривали шедшую мимо галеру. «Аргус» не сворачивал к берегу. В торговле с шемитами Тито особых выгод не видел.

Не сделал он остановки и там, где изливался в океан могучий Стикс, а в волнах отражались черные бастионы Кеми. Корабли избегали заходить сюда без приглашения. Здесь, в Стигии, смуглые колдуны пели чудовищные заклятия сквозь жертвенный дым, курившийся над залитыми кровью алтарями, где корчились и кричали обнаженные женщины. Здесь принимал поклонение Сет, Древний Змей, которого вся прочая Хайбория называла Великим Врагом, а стигийцы почитали за бога. Проклинаемый всем остальным миром, здесь он, как говорили, свивал свои блистающие кольца, являясь высшему жречеству.

Стигийское побережье шкипер Тито обошел далеко морем. И не дрогнул, даже когда из-за мыса, увенчанного замком, вылетела гондола, чей нос украшало изображение змея, и нагие смуглые женщины с алыми цветами в волосах принялись бесстыдно зазывать к себе его моряков. И вот по берегам уже не видно сияющих башен, «Аргус» пересек южные пределы Стигии и шел теперь вдоль побережья Куша.

Море и все, что с ним связано, составляло каждодневную загадку для Конана, ведь он родился среди высоких гор и пустошей Киммерии. Поэтому он с неизменным любопытством приглядывался к корабельщикам, а те, в свою очередь, – к нему, ведь и они в большинстве своем никогда не видели живого киммерийца и даже не знали, что на свете есть еще и такая страна.

Сами они были типичными аргосскими мореплавателями, невысокими, крепкими и коренастыми. Конан далеко превосходил их ростом, а по силе – любых двоих, вместе взятых. Да, они отличались этакой узловатой, кряжистой цепкостью, но Конан обладал поистине волчьей выносливостью и жизнестойкостью, его тело и душа обрели стальную закалку в тяготах дикой жизни и беспощадной войны. Он любил посмеяться, но так же легко впадал и в поистине ужасающий гнев. Он был не дурак поест и – что греха таить – порою не знал удержу в выпивке. Во многом по-детски наивный, так и не привыкший к утонченным хитростям цивилизации, Конан отличался природным умом и никому не давал сесть себе на голову и мог быть опасным, точно проголодавшийся тигр. Он был еще молод годами, но успел и повоевать, и постранствовать по населенному миру. Это чувствовалось даже по его одежде и снаряжению. Рогатый шлем, например, имел явное отношение к золотоволосым асирам Нордхейма; чешуйчатая броня и поножи происходили из лучших мастерских Кофа; тонкие кольчужные нарукавники и штаны были выкованы в Немедии, а на поясе красовался великолепный аквилонский двуручник. Что же до роскошного плаща за спиной, то подобные ткали только в Офире.

«Аргус» неуклонно двигался к югу, и Тито уже высматривал по берегам обнесенные высокими оградами деревни черных племен. Увы, им попадались лишь дымившиеся пепелища, усеянные черными нагими телами, и Тито клял всех богов.

– Пираты, якорь им в глотку! Здесь побывали пираты! А как славно, помнится, я торговал тут в былые деньки...

– Пираты? – Конан невольно тронул рукой неразлучный меч в ножнах. – Ну и что будет, если мы их встретим?

– Мы не воины, а купцы. Я не ищу сражений, я лучше пушусь наутек!.. Но если все-таки произойдет заварушка – что ж, нам случалось отбиваться от разбойников, отобьемся и теперь. Ну, конечно, если не нарвемся на «Тигрицу» самой Бёлит.

– Бёлит? Это кто?

– Самая жуткая демоница из всех, по ком плачет веревка. И если я не ослеп, это ее головорезы поработали в той последней деревне. Много бы я дал, чтобы однажды увидеть Бёлит болтающейся на рее! Как говорят, сама она из Шема, а команда у нее сплошь свирепые чернокожие. Сколько добрых купцов они отправили на дно морское!

Говоря так, Тито доставал из-под кормовой палубы стеганные куртки, стальные шлемы, луки и стрелы.

– Если она на нас налетит, – проворчал он, – толку от сопротивления будет немного. Но все же дать зарезать себя вовсе без боя – позорно и трусливо.

Солнце только-только взошло, когда послышался предостерегающий крик впередсмотрящего. Из-за длинного мыса острова, лежавшего далеко в море по правому борту, выдвинулась узкая смертоносная тень – по-змеиному изящная боевая галера с надстройкой для стрелков от носа до кормы. Сорок весел по каждому борту быстро мчали ее по морским волнам, низкие борта не могли скрыть неистовой пляски нагих чернокожих воителей, что с громкой песней колотили копьями в длинные щиты. На мачте галеры развевался ярко-алый вымпел, длинный и узкий.

– Бёлит, – побледнел от страха Тито. – Разворачиваемся, живей! Скорее вон в то устье!.. Если успеем туда проскочить, может, спасемся.

И «Аргус», развернувшись чуть ли не на месте, кинулся к полосе прибоя, гремевшего под пальмами на берегу. Тито безостановочно ходил по палубе туда и сюда, призывая хрипевших гребцов к сверхчеловеческому усилию. Его черная борода стояла дыбом, глаза горели.

– Дай лук, – обратился к нему Конан. – Не то чтобы я считал его оружием, достойным мужчины, но стрелять меня учили гирканцы, я сумею подстрелить хотя бы парочку пиратов!

Стоя на высокой корме, он смотрел, как несется на сближение легкий змееподобный корабль, и, даже не будучи моряком, явственно видел: «Аргусу» эту неравную гонку не выиграть никогда. И то сказать, с «Тигрицы» по ним уже стреляли, и стрелы, пущенные нетерпеливыми пиратами, с шипением падали в воду едва ли не в двадцати шагах за кормой.

– Может, принять бой? – обратился Конан к Тито. – По мне, лучше умереть от удара в грудь, чем от стрелы, всаженной между лопаток!

Но Тито, размахивая кулаками, лишь закричал:

– Гроби веселей, собачье отродье!

Бородатые аргосцы со стонами налегали на весла, по спинам ручьями тек пот, мышцы сводило судорогой. Бедный маленький «Аргус» скрипел и охал всем корпусом, почти выпрыгивая из воды. Ветер, как назло, стих, парус висел тряпкой. Все ближе подбиралась безжалостная погоня. До белых бурунов прибоя оставалось еще не менее мили, когда один из гребцов с невнятным булькающим вскриком навалился грудью на рукоять. Длинная стрела торчала у него в шее. Тито прыгнул на место убитого, а Конан широко расставил ноги на кормовой палубе и поднял лук.

Со своего места он очень хорошо видел все, что делалось на пиратской галере. Гребцов защищал борт, но воины, приплясывавшие на палубе, красовались на виду. Почти нагие, в боевой раскраске и перьях, они размахивали копьями и пятнистыми щитами. А на носу виднелась стройная фигурка, чья белая кожа разительно выделялась на фоне блестяще-черных тел бесновавшейся команды. Бёлит! Конан оттянул тетиву до правого уха... Тем не менее в последний момент что-то удержало его, и, повинувшись внезапному порыву, он послал стрелу не в Бёлит, а в рослого чернокожего копьеносца, что стоял подле нее.

Пиратская галера быстро шла на сближение с маленьким купеческим кораблем. Стрелы густым дождем падали кругом «Аргуса», то и дело раздавались крики раненых и умирающих. Все кормчие были убиты, и Тито в одиночку правил тяжелым веслом, задыхаясь от натуги и безостановочно ругаясь. Его ноги вросли в палубу, точно узловатые корни. Но потом он издал какой-то всхлип и сполз на мокрые доски – его отважное сердце пробила стрела. Потерявший управление «Аргус» беспомощно закачался на волнах. Гребцы испуганно закричали, и Конан в обычной для себя манере принял командование.

– А ну, ребята!.. – проревел он, спуская звенящую тетиву. – Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать. Хватит надсаживаться на веслах, они все равно возьмут нас на abordаж, так какая разница, умереть прямо здесь или в полусотне ярдов отсюда?

Повинуясь его приказу, аргосцы побросали весла и стали вооружаться. Они успели выстрелить в лучшем случае по одному разу, и их атаковали пираты. Неуправляемый «Аргус» медленно поворачивался, и окованный сталью таран «Тигрицы» со скрежетом врезался ему прямо в бок. Полетели и впились в палубу abordажные крючья. С носовой палубы черные воины обрушили вниз град стрел, чьи наконечники легко пронзали стеганные доспехи обреченных аргосцев. А потом с копьями наготове пираты прыгали на палубу «Аргуса», дабы завершить бой.

Палубу пиратского корабля усеяли мертвые тела – свидетельство меткости Конана.

Кровавая резня продолжалась недолго. Крепкие, закаленные мореходы мало что могли противопоставить опытным головорезам, и те очень быстро истребили их до последнего человека. Но этим последним человеком остался Конан, и, как следовало ожидать, битва приняла неожиданный оборот.

Когда «Тигрица» протаранила купеческую галеру, он стоял на корме, находясь на одном уровне с палубой пиратов. В момент удара ему удалось устоять на ногах, потеряв только лук. Через борт на него бросился рослый корсар, но Конан еще в полете встретил его взмахом меча. Длинный клинок рассек торс нападавшего, пройдя сквозь кости и плоть, так что ноги полегли в одну сторону, а голова и руки – в другую. Ярость Конана оставила лежать на палубе еще нескольких разбойников, сунувшихся к нему следом за первым, – и вот, перемахнув через борт, он сам оказался на палубе «Тигрицы»!

В тот же миг кругом него завертелся ураган мелькающих копий и занесенных дубинок, но Конан, закованный в сталь, перемещался до того быстро, что уследить за ним казалось невозможным. Копья пронзали пустой воздух или гнулись о его латы, зато длинный аквилонский меч без устали пел врагам погребальные песни. Конана осеняло боевое неистовство, которым славилось его племя, взор затуманила алая пелена неукротимого бешенства. Расколотые черепа, проломленные ребра, выпущенные кишки – Конан шел по вражеской палубе, собирая кровавую жатву.

Против его брони оружие пиратов было бессильно. Прислонившись спиной к мачте, он убивал, пока враги не отшатнулись прочь, задыхаясь от ярости и испуга.

И вот, когда они уже занесли копья, чтобы метнуть их все разом, а Конан, напрягшись, ждал мгновения, чтобы прыгнуть вперед и, может быть, умереть, – резкий окрик остановил изготовившихся к бою мужчин. Все замерли одновременно – черные гиганты с копьями в поднятых руках и северянин в кольчуге, сжимающий окровавленный меч.

Ворвавшись в круг своих воинов, Бёлит заставила их опустить копья. Потом повернулась к Конану. Ее грудь вздымалась, глаза сверкали. Свирепый киммериец смотрел на нее в немом изумлении. Бёлит была сложена точно богиня, пышно-роскошная и невероятно стройная одновременно. Единственным одеянием ей служил широкий шелковый пояс. Ее тело отливало слоновой костью, великолепная грудь притягивала взор, и Конан, несмотря на угар боя, возжелал предводительницу кровожадных пиратов. Ее черные волосы, густые и непроглядные, точно стигийская ночь, – какими блестящими волнами окутывали они ее гибкую спину! А каким огнем пылали глаза, устремленные на киммерийца!

Она казалась дикой, точно ветер пустыни, она была сильной и опасной, точно пантера. Женщина подошла к Конану вплотную, не обращая никакого внимания на длинный меч, с которого стекала кровь ее воинов. Она даже задела клинок крутым бедром и, сделав еще шаг, прямо посмотрела в суровые синие глаза северянина.

– Кто ты? – требовательно спросили алые губы. – Клянусь Иштар! Никогда еще не встречала подобных тебе, а ведь я избородила моря от побережий Зингары до объятого пламенем Юга! Откуда ты взялся?

– Из Аргоса, – бросил он коротко, ежесекундно опасаясь ловушки.

Пусть только попробует протянуть изящную ручку к драгоценному кинжалу на поясе, и он вкатит ей оплеуху, чтобы не сразу смогла подняться!.. Но это говорил разум воина, а сердце уже твердило свое: «Бой окончен». Слишком много женщин – и цивилизованных, и дикарок – искало в разное время его крепких объятий, так что Конан с первого взгляда узнал огонь, разгоревшийся в глазах Бёлит.

– Ты не похож на мягкотелого хайборийца, – фыркнула она в ответ. – В тебе – крепость и ярость серого волка. Зоркость твоих глаз не успели притупить городские огни, твое тело не изнежено жизнью среди мраморных стен!

– Я Конан из Киммерии.

Для жителей здешних стран Север был чем-то наполовину сказочным и смутным. Там жили свирепые голубоглазые исполины, изредка покидавшие свои ледяные твердыни, и тогда никому не ведать спасения от огня и меча. В Шем они, впрочем, ни разу доселе не забирались, и шемитка Бёлит не разбиралась, кто есть кто – асиры, ваниры, киммерийцы. Зато сработал глубинный женский инстинкт, безошибочно распознавший: перед ней мужчина, созданный для нее. И не имело особого значения, к какому именно народу он принадлежал. Происхождение северянина лишь добавляло ему таинственности, а с нею и привлекательности.

– А я – Бёлит! – воскликнула она тоном, каким другие женщины говорят «я – королева!». – Гляди же на меня, Конан! – продолжала она, широко раскидывая руки. – Перед тобой Бёлит, владычица Черного побережья! О тигр Севера, холодный сын заснеженных гор! Закружи меня в неистовом вихре страсти! Мы вместе пройдем все пределы суши и моря! Я – королева по праву огня и стали и вооруженной руки, так стань же моим королем!

Конан посмотрел на заляпанных кровью пиратов, ожидая всплеск гнева и ревности. И ничего подобного не увидел. Черты воинов не отражали даже боевого иступления, успевшего угаснуть за прошедшие мгновения. И тогда Конан понял: для них Бёлит была чем-то большим, нежели просто женщина. Она была богиней, чью волю они и не думали оспаривать. Киммериец покосился на бедный «Аргус», который все так же беспомощно переваливался с борта на борт, удерживаемый лишь абордажными крючьями. Его палубы были сплошь залиты кровью, и даже волны, плескавшие на борта, окрашивала багровая муть. Вдали синел берег, океанская даль отсвечивала зеленоватым. А прямо перед Конаном, призывно раскрыв объятия, стояла великолепная женщина, и душа варвара невольно отозвалась на призыв. Пройти неизведанные просторы рука об руку с этой молодой тигрицей, любить ее, сражаться и грабить...

– Ладно, – проговорил он, отряхивая меч. – Я пойду с тобой.

– Эй, Нягя! – Голос Бёлит прозвенел, как спущенная тетива. – Тащи сюда свои зелья, перевяжешь раны господина! Остальные – забирайте добычу и рубите канаты!

Конан сел на палубу, привалился спиной к фальшборту и позволил старому шаману заняться ранами. Скоро весь груз с несчастного «Аргуса» перетасчили на «Тигрицу» и убрали в рундуки под палубой. Тела убитых купцов и погибших пиратов побросали в море привлеченным кровью акулам, а раненых чернокожих уложили на палубу для перевязки. Потом выдернули абордажные крючья, и «Аргус» с проломленным дном начал медленно погружаться в кровавое море, а «Тигрица», размеренно работая веслами, направилась к югу.

Сгущались сумерки, и глаза Бёлит сверкали в полутьме, как у пантеры в лесу. Поднявшись на корму, где сидел Конан, она сорвала с себя украшения, сняла сандалии и шелковую набедренную повязку и все это сложила у ног своего избранника.

Потом поднялась на цыпочки, вскинула руки над головой – нагой белый силуэт, мерцающий в потемках, – и выкрикнула, обращаясь к глазевшей команде:

– Смотрите, жадные волки синих морей, на брачный танец Бёлит, чьи предки были королями Аскалона!

И она пустилась в пляску – как ветер в песчаной пустыне, как пламя, танцующее на углях. Все было в ее танце – и призыв к зачатию и рождению, и зов смерти. Движения танцовщицы, то резкие и хлесткие, то плавные и нежные, завораживали. Не в силах отвести взгляд раненые, распростертые на досках, забывали о тяжелых увечьях и смерти... И вот, когда в синих бархатных сумерках проглянули яркие звезды, Бёлит в последний раз завертелась волчком – и со страстным возгласом простерлась перед киммерийцем. Конан заключил ее в объятия – тяжело дышащую, дрожащую – и крепко прижал к своей все еще покрытой латами груди.

2. Черный лотос

*Когда нечистый дух отвел глаза ей
В той крепости с разбитыми стенами,
И вот меня уж бешенство терзает,
Как если бы соперник встал меж нами...*

Песнь Бёлит

«Тигрица» шла на юг, и черные деревни содрогались от ужаса. В ночи тревожно били тамтамы, передавая известие, будто морская демоница нашла себе достойную пару – железного человека, чей гнев сродни ярости подстреленного льва. Немногие спасшиеся с разгромленных ими стигийских судов поминали Бёлит с неизменным проклятием – и тоже в один голос рассказывали о ее спутнике, белокожем воителе с синими глазами. Так и получилось, что стигийские владыки запомнили этого человека, запомнили надолго, – и такой памяти суждено было принести горькие плоды годы спустя.

Но пока «Тигрица», беззаботная, точно ветерок на просторе, обходила южные берега. И однажды бросила якорь в устье большой угрюмой реки, чьи крутые берега были как две стены, заросшие густыми джунглями и окутанные тайной.

– Эта река называется Зархеба, что значит Смерть, – сказала Бёлит. – Вода в ней ядовита, смотри, как она черна и непроглядна. Здесь живут лишь ядовитые гады, не зря этих мест сторонятся черные племена! Однажды сюда, спасаясь от моего преследования, вошла галера стигийцев, поднялась по течению и пропала из виду. Я велела бросить якорь на этом самом месте, и несколькими днями позже галера приплыла обратно, неуправляемая и пустая, палубы были залиты кровью. Мы нашли на борту всего одного человека, но он сошел с ума и умер, что-то бессвязно выкрикивая. Груз, впрочем, не пострадал, а вот команда так и канула в неизвестность.

Я поразмыслила над этим, возлюбленный мой, и сделала вывод, что где-то выше устья должен быть город. Мне передавали смутные слухи о гигантских стенах и островерхих башнях, вздымающихся над лесом, – их видели те, кто отваживался хотя бы немного подняться по водам Зархебы... Ну а мы с тобой, Конан, страха не ведаем. Почему бы нам не отправиться туда и не посмотреть на затерянный город? Уж верно, не с пустыми руками мы оттуда вернемся.

Конан только рад был ответить согласием, собственно, как и всегда. Ее ум вынашивал все планы их вылазок, его вооруженная рука претворяла в жизнь замыслы Бёлит. Куда плыть, против кого драться – особой разницы Конан не видел, лишь бы не скучать на одном месте. Так что жизнь с Бёлит была ему определено по вкусу.

Между тем их команда поредела в сражениях и набегах; осталось не более восьмидесяти копьеносцев, их еле хватало для управления длинной галерой. Однако Бёлит было некогда совершать долгое путешествие на юг, в островные королевства, где она набирала себе пополнение. Ее снедало нетерпение изведать очередное приключение, и вот «Тигрица» свернула в устье реки по имени Смерть, и гребцы старались изо всех сил, преодолевая сильное течение.

Вскоре галера обогнула таинственную излучину, скрывшую морской горизонт, и пробиралась вверх по течению, обходя безжизненные отмели. Нигде не было видно даже крокодилов, ни единый зверь не прокладывал себе тропы к водою, птицы и те избегали спускаться к страшной реке. Тьма, предварявшая восход луны, превратила берега в две глыбы осязаемо плотного мрака. Оттуда лишь слышалось шуршание и крадущиеся шаги да вспыхивали недобрым огнем чьи-то глаза... Один раз донесся нечеловеческий вопль, полный жуткой насмешки.

– Это обезьяна, – задумчиво молвила Бёлит и добавила: – Души грешников в наказание за несправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Вот тут Конан позволил себе усомниться. Некогда в Гиркании он видел существо кошмарного облика, сидевшее в клетке с золочеными прутьями. Люди сказали ему, что это большая обезьяна. Помнится, он заглянул в печальные глаза мохнатого пленника – и не увидел ни следа запредельной злобы, которая звучала в чудовищном смехе из джунглей.

А потом поднялась луна – багровый круг в непроглядной тьме неба, – и джунгли наполнились звуками, приветствуя восход ночного светила. Рев, вой, рык и вопли со всех сторон заставили черных мореходов втянуть головы в плечи. Конан же сразу заметил, что ужасающий шум доносился не с берега, а изрядно дальше. Была, видимо, причина, по которой люди и звери одинаково сторонились черных вод Зархебы!

Поднимаясь над плотной, окутанной туманами чащей, луна посеребрила русло реки, галера оставляла в воде след в виде вереницы светящихся пузырьков, что поднимались, переливаясь, как драгоценные камни, и лопались на поверхности. Казалось, весла окунаются в жидкое серебро и взлетают в ночь, словно одетые в сверкающий иней. Пышные перья в головных уборах воинов кивали взад и вперед, самоцветы на рукоятках мечей и кинжалов вспыхивали при луне.

Холодный свет зажигал морозным огнем драгоценности в черных кудрях Бёлит, распростершейся на леопардовой шкуре, брошенной на палубные доски. Подперев ладонями подбородок, она смотрела, как легкий ветерок шевелил черную гриву Конана, сидевшего рядом. Гибкое тело красавицы мягко мерцало под луной, глаза казались двумя черными алмазами.

– Воздух здесь напоен жуткими тайнами, – проговорила она. – И мы плывем в самое сердце смертоносного ужаса. Тебе страшно, Конан?

Киммериец лишь передернул плечами, скованными кольчугой, – вот и весь ответ.

– Мне тоже не страшно, – задумчиво сказала Бёлит. – Я не знаю, что такое страх. Должно быть, я слишком часто заглядывала в глаза смерти. Конан, а ты боишься богов?

– Я предпочел бы не наступать на их тени, – поразмыслив, отозвался варвар. – Одни боги только ждут случая кого-нибудь поразить своим гневом, другие, напротив, рады помочь... По крайней мере, так утверждают жрецы. Взять хоть Митру, которому поклоняются хайборийцы, – надо думать, это сильный бог, даром ли его народы понастроили крепких городов по всему миру. А вот Сета, наоборот, все боятся, даже и хайборийцы. Еще есть Бэл, покровитель воров... Хороший бог. Он был не чужим мне, когда я жил в Заморе и промышлял воровством...

– А кому молится твое племя? – спросила Бёлит. – Я ни разу не слышала, чтобы ты кого-нибудь призывал.

– Наш бог – Кром, обитающий в пещере громадной горы, и призывать его без толку, ибо жизнь или смерть человека его мало волнует. Чем привлечь к себе его внимание, лучше уж промолчать, не то дождешься несчастий вместо удачи! Он угрюм и не знает любви, но при рождении он наделяет нас жизненной силой и волей драться за жизнь. И если подумать – чего еще нам просить у богов?

– А что у вас говорят о мирах, что распахиваются за рекой Смерть? – продолжала спрашивать Бёлит.

– Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни. Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение, а единственная утеха для нас – безумное вдохновение битвы. Когда мы умираем, наши души пускаются в вечное странствие сквозь туман, под низкими облаками, несущимися на ледяных ветрах.

– Ну уж нет, – содрогнулась Бёлит. – Самая скверная жизнь и та лучше! Но во что, Конан, ты все-таки веришь?

Он пожал плечами.

– Я, – проговорил он затем, – знавал многих богов. Тот, кто берется их отрицать, так же слеп, как и тот, кто на них бездумно надеется... Что будет после смерти? Кому о том ведомо? Это может оказаться тьма и ничто, как утверждают немедийские скептики, либо же ледяной туман царства Крома... или пиршественные залы среди снежных полей, которые северяне называют Вальхаллой. Мне не дано знать, куда я попаду, да и не сильно меня это заботит! Пока я живу, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук – и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это – жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я – всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?

– Но ведь боги реальны, – сказала Бёлит, думая о чем-то своем. – И превыше всех – боги шемитские. Иштар, Ашторет, Деркетто, Адонис... Твой Бэл, между прочим, тоже шемитское божество, он ведь родился в древнем Шумире. Это было очень давно. Смешливый бог с кудрявой бородой и мудрыми озорными глазами пустился в путь, намереваясь похитить сокровища королей древности... А что до жизни после смерти – она есть, Конан, она точно есть! И я еще тебе скажу, киммериец! – Бёлит гибко приподнялась на колени и ухватила Конана за плечи, словно играющая пантера. – Моя любовь сильнее любых смертей! Ибо ты сжимал меня в своих объятиях, заставляя задыхаться и изнемогать от неистовой страсти. Ибо ты победил и завоевал меня, испив мою душу своими огненными поцелуями. Ибо мое сердце прикипело к твоему сердцу, а моя душа сделалась частью твоей души. И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь, – я восстану из бездны, приду тебе на подмогу! Будет ли мой дух плыть под пурпурными парусами по хрустальным водам райского моря, будет ли он корчиться в огненном расплаве геенны, – ничто не удержит меня, и все боги Вселенной не смогут нас разлучить!

В это время раздался истошный крик впередсмотрящего, стоящего на носу корабля. Конан отстранил Бёлит и прыжком вскочил на ноги, выхваченный меч сверкнул в лунном луче. Волосы киммерийца встали дыбом от зрелища, представшего его глазам. Черный воин висел в воздухе над палубой, удерживаемый чем-то, сперва показавшимся Конану изогнутым древесным стволом. Миг спустя он разглядел, что «ствол» на самом деле – гигантская змея, которая, извиваясь, поднялась над бортом корабля и сомкнула ужасную пасть на теле несчастного! Мокрая чешуя искрилась и сверкала, схваченный воин корчился и кричал, точно мышь в зубах у питона. Конан рванулся вперед и, размахнувшись громадным мечом, всадил его в тело чудовища, превосходившее по толщине человеческий торс. Бортовые доски залила кровь, умирающая гадина качнулась назад, так и не выпуская обреченную жертву, и виток за витком канула в черную воду, сбивая ее предсмертными судорогами в кровавую пену. И вот не стало видно ни человека, ни змеи.

После этого случая Конан сам занял место впередсмотрящего, но больше никто из отравленных вод их не беспокоил. Когда же небо наконец побледнело, встречая рассвет, киммериец разглядел над лесом черные клыки башен. Он позвал Бёлит, спавшую на палубе под его алым плащом, и она с разгоревшимися глазами встала подле него. Предводительница уже хотела дать команду воинам разбирать луки и копья, но так и не произнесла ее, а прекрасные глаза округлились от изумления.

Выйдя из-за лесистого мыса, они увидели над излучиной берега... не город – призрак города, когда-то шумного и полного жизни. Теперь между камнями обрушенных причалов выросла трава, корни деревьев разворотили мостовые величавых некогда улиц, широких площадей, просторных дворов. Джунгли с трех сторон наступали на город, одевая ядовитой зеленью остатки стен и рухнувшие колонны, а с четвертой стороны была река. Покосившиеся

башни беспорядочно торчали в утреннем небе, от былых дворцов остались лишь сломанные каменные столбы. На главной площади высилась мраморная пирамида, увенчанная высокой стройной колонной, а на самом верху этой колонны сидело, скорчившись, нечто, поначалу принятое Конаном за изваяние... пока его острые глаза не различили присутствие жизни.

– Там огромная птица, – предположил один из воинов, собравшихся на носу корабля.

– Нет, – возразил другой. – Это исполинская летучая мышь!

– Это обезьяна, – сказала Бёлит.

В это время тварь распахнула широкие крылья и, хлопая ими, улетела в зеленую тьму джунглей.

– Обезьяна, да еще и крылатая, – поежился старый Ньяга. – Чем являться сюда, лучше бы мы просто перерезали себе глотки! Это место заколдовано, здесь водится нечисть.

Но Бёлит лишь посмеялась и велела подогнать галеру к берегу, чтобы бросить швартовы на полуразрушенную пристань. Она первой прыгнула на берег, за ней – Конан, а следом – чернокожие пираты в уборах из белых перьев, колыхавшихся на утреннем ветру. Воины крепко сжимали копыя, подозрительно поглядывая на жуткие и такие близкие джунгли.

Здесь царил тишина, зловещая, как над гнездом спящей змеи. Тем не менее Конан все не мог оторвать глаз от Бёлит, пробиравшейся среди развалин: сильная, гибкая, удивительно живая, она странно смотрелась среди окружающего запустения. Неприветливое солнце медленно разгоралось над вершинами джунглей. Башни заливало тусклое золото, но у подножия осыпавшихся стен залегли тени. Вот Бёлит указала рукой на небольшую круглую башню, готовую рухнуть с подточенного временем основания. К ней вела поросшая травой лестница из широких каменных плит, по сторонам валялись остатки разбитых колонн, а наверху лестницы виднелся массивный алтарь. Бёлит быстро прошагала по древней мостовой и остановилась у жертвенника.

– Здесь был храм древних богов, – сказала она. – Видишь по сторонам алтаря желобки для стекания крови? Дожди десяти тысяч лет так и не отмыли их от темных потеков... Стены давно рассыпались в прах, а этому камню все нипочем – ни стихии, ни время!

– Кому же тут поклонялись? – поинтересовался Конан.

Она только развела руками.

– Этот город такой древний, что о нем молчат даже легенды... Почем знать, какие обряды здесь отправляли? Давай лучше присмотримся к вот этим отверстиям по сторонам алтарной плиты! Уж больно они смахивают на проушины для подъема, а я-то знаю, как часто жрецы прячут свои сокровища под жертвенниками!.. Ну-ка вы, четверо! Беритесь вот здесь и попробуйте приподнять!

И она отступила, косясь вверх, на башню, опасно нависшую над их головами. Трое самых крепких пиратов взяли за края отверстий, оказавшихся странно неподходящими для человеческих рук, и Конан уже наклонился помочь им, когда Бёлит вдруг вскрикнула и шарахнулась прочь. Чернокожие застыли на месте, киммериец же крутанулся, выругавшись от неожиданности.

– Змея в траве, – пяясь, проговорила Бёлит. – Иди пристукни ее. А вы двигайте камень!

Конан направился к ней, его место занял один из пиратов. Пока он не без раздражения высматривал в траве ядовитую гадину, черные гиганты крепче расставили ноги, разом ухнули и стали тянуть – так, что под лоснящейся кожей вздулись литые бугры. Они пытались приподнять плиту, но вместо того, чтобы оторваться от земли, она вдруг повернулась набок. И в то же мгновение сверху донесся тяжелый скрежещущий грохот, и круглая башня обрушилась вся разом, похоронив четверых пиратов под грудой битого камня.

Уцелевшие воины разразились воплями ужаса. Конан почувствовал, как впились ему в руку пальцы Бёлит.

– Не было никакой змеи, – шепнула она. – Я хотела просто отозвать тебя. Я подозревала, что древние не отдадут свои сокровища так легко...

С немалыми усилиями они откатили все глыбы и высвободили четыре изувеченных тела. И там, под ними, пираты увидели обогренную свежей кровью пещеру, вырубленную в толще скалы. Алтарная плита служила чем-то вроде двери, укрепленной с одного боку на каменных петлях. А там, под ней... Сперва им показалось, что подземную нишу заполнял жидкий огонь, полыхнувший на утреннем солнце мириадами сверкающих капель. Взорам остолбеневших пиратов предстало сокровище, воистину превосходившее всякое воображение. Бриллианты, рубины, сапфиры, бирюза, лунный камень, изумруды, аметисты, опалы... еще какие-то неведомые камни, сверкавшие, точно глаза злобных ведьм. Пространство под алтарем было по самые края полно самоцветов, и они радугами искрились на солнце.

Вскрикнув, Бёлит припала на колени прямо на каменный мусор, обогренный кровью ее людей, и по самые плечи погрузила белые руки в это драгоценное озеро. А потом извлекла их, вытащив нечто, заставившее ее вскрикнуть опять. В пальцах Бёлит было зажато великолепное ожерелье из алых камней, выглядевших замерзшими сгустками крови, нанизанными на толстую золотую проволоку. В сиянии этих камней даже солнечный свет, казалось, приобрел мутно-багровый оттенок.

Глаза Бёлит подернулись пеленой, – таковы шемиты, склонные пьянеть от вида роскоши и земных богатств, а здесь богатства были такие, что зрелище их потрясло бы даже пресыщенного шушанского императора.

– Забирайте сокровище, псы мои! – вскричала она голосом, дрогнувшим от овладевшего ею чувства.

– Смотри! – Мускулистая рука черного воина указывала в сторону «Тигрицы».

Бёлит резко обернулась, яркие губы растянул яростный оскал – изображение успело нарисовать ей галеру пиратов-соперников рядом с ее собственным кораблем. Однако увиденное оказалось едва ли не хуже. С носа «Тигрицы» снялась темная крылатая тень и улетела в сторону джунглей.

– Обезьяний демон... обезьяний демон на галере... – встревоженно зароптали воины.

– И что с того? – Бёлит сопроводила свои слова отборным ругательством. – Сделайте носилки из копий и щитов с прежней властью распорядилась она. – Нужно погрузить сокровище... Э, Конан, а ты куда, демон тебя задерит?

– Посмотрю, как там корабль, – отозвался киммериец. – Как бы эта мерзость дыру в днище не пробила или чего похуже не сделала!

Он проворно одолел покореженный временем мол и вспрыгнул на борт. Быстро осмотрел пространство под палубами – и от всей души выругался, проводив улетевшую тварь мстительным взглядом. Потом вернулся к Бёлит, которая уже всюю руководила ограблением алтарного тайника. Ожерелье красовалось у нее на шее; камни темным блеском переливались на нежной коже. Громадный чернокожий стоял по пояс в самоцветах, щедрыми пригоршнями передавая наверх бесценные камни. В темных пальцах струились застывшие радуги, искрился звездный свет, мерцали и падали алые капли. Ни дать ни взять – черный гигант стоял в первородном чаду, вздымая из него небесные звезды.

– Летучая дрянь расколотила наши бочки с водой, – доложил Конан. – Совсем из ума выжили, ни одного караульщика не оставили! А из реки пить нельзя!.. Я бы взял двадцать человек и искал в джунглях пресной воды.

Бёлит рассеянно кивнула. Странная власть камней все не отпускала ее, пальцы перебирали на груди алое ожерелье.

– Отлично, ступай, – проговорила она, точно во сне. – А я тут присмотрю.

Джунгли скоро сомкнулись со всех сторон, и солнечный свет из золотого стал серым. С древесных ветвей свисали лианы, похожие на удавов. Воины шли цепочкой один за другим, пробираясь в лесных сумерках, – вереница черных теней под предводительством белого призрака.

Подлесок оказался не настолько густым, как того ожидал Конан. Земля под ногами была губчато-влажной, но все-таки не вполне заболоченной. Чем дальше уходили они от реки, тем выше забирались по склону. Все глубже и глубже в кольшущуюся зеленую тьму – и нигде никакой воды, ни бегущего ручейка, ни стоячей лужи. Когда Конан резко остановился, воины черными базальтовыми статуями замерли у него за спиной. Воцарилась напряженная тишина, и вот Конан досадливо тряхнул головой.

– Ступай вперед, – велел он старшине по имени Нгора. – Идите все прямо, пока не потеряете меня из виду, потом остановитесь и ждите. Я вас догоню. Сдается мне, за нами кто-то идет. Я вроде кое-что слышал.

Чернокожие начали опасливо переминаясь, но все исполнили в точности. Когда они зашагали вперед, Конан быстро отступил за ствол громадного дерева, спрятался и стал смотреть на тропинку, по которой они пришли. Кто знает, что могло появиться из лиственной гущи?..

Время тянулось, но ничего не происходило. Шаги воинов мало-помалу стихли в отдалении, когда сознания Конана достиг странный, незнакомый аромат, разлившийся в воздухе. Потом что-то легонько коснулось виска. Киммериец быстро оглянулся. Он увидел пучок зеленых стеблей, покрытых замысловато вырезанными листьями, и с этих стеблей к нему тянулись крупные черные цветки. Один из них даже коснулся его. Цветки двигались и манили его к себе и сами выгибали в его сторону стебли. Они покачивались и шуршали, хотя в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка.

Конан шарахнулся прочь, распознав черный лотос, чей сок несет смерть, а запах навеивает глубокую дрему, полную небывалых видений. Уже сейчас Конан ощущал странную вялость. Он хотел выхватить меч, чтобы изрубить зловещие стебли, но рука безжизненно повисла. Он открыл рот, желая позвать воинов, но вместо призыва о помощи лишь невнятный хрип вырвался из его горла. А в следующий миг накатила волна дурноты, джунгли завертелись у него перед глазами, он рухнул на колени и безвольно растянулся на земле, даже не услышав страшных криков, раздавшихся неподалеку.

Над неподвижным телом кивали и шевелились в безветренном воздухе крупные черные цветки...

3. Ужас джунглей

*Мне лотос ночи навевал такое!..
Да будет проклят каждый день покоя,
Да будет проклят каждый час без боя
И крови, пролитой моей рукою!..*

Песнь Бёлит

Была только тьма, крошечная и абсолютно пустая, пронизанная ледяными токами космического пространства. Потом в ней закружились тени, чудовищные, неясные, ускользающие за край зрения, как если бы сама тьма вздумала принять вещественный облик. А ледяные течения столкнулись и образовали вихрь – опрокинутую пирамиду ревушего мрака. Из вихря родились пространство и форма; и вот наконец, совсем неожиданно, тьма разделилась надвое и расползлась вправо и влево, точно разошлись непроглядные облака, и взгляду предстал город из темно-зеленого камня, выстроенный на берегу широкой реки, стремившей свой бег среди бескрайних равнин. По улицам города сновали жители, похожие и непохожие на людей.

Они, если можно так выразиться, были отлиты почти в той же форме, что и люди, но явно не имели никакого отношения к человечеству. Во-первых, они были крылаты, а во-вторых – громадны и с несколько иными пропорциями тела. И некоторым образом чувствовалось, что это была не отпочковавшаяся ветвь эволюции, увенчанной появлением человека, – нет, взгляду предстал зрелый и по-своему совершенный плод развития абсолютно чужой расы. Даже если не принимать во внимание крылья, эти создания напоминали людей примерно в той же мере, в какой сам человек – если взять самые физически великолепные образцы человечества – напоминает крупных приматов. Чувствовалось, что в своем духовном, эстетическом и интеллектуальном развитии горожане опять-таки превосходили людей не в меньшей степени, чем эти последние превосходили горилл. Да что говорить – во времена, когда они выстроили свой город, отдаленные предки человечества еще копошились в тине первобытных морей!

Существа были смертными – по свойству всех созданий из плоти и крови. Они жили, любили друг друга и умирали, хотя бы и прожив немислимо долгую жизнь... Но вот пронеслись неслучайные миллионы лет – и началось изменение. Картина города затрепетала и заколебалась, словно нарисованная на занавесе, колеблемом ветром. Эпоха за эпохой накатывались на город, как морские волны на берег, и каждая приносила с собой перемены. Где-то на планете переползали с места на место магнитные полюса; меняя лик Земли, наступали и отступали великие ледники.

Не оставалось неизменным и русло великой реки. Вот равнины уступили место болотам, в которых кишели рептилии. Там, где прежде простиралась тучная пастбища, вырос лес, а потом и темные джунгли. Для жителей города черед столетий также не прошла без следа. Нет, они не стали перебираться на новое место. Почему? На то были причины, непостижимые для человеческого рассудка. Крылатые остались в древнем городе и тем подписали себе приговор. Некогда богатую и могущественную страну все прочнее захлестывал океан заболоченных джунглей, и вместе с ней уходил в никуда развитой и славный народ. Землю под ногами горожан сотрясали чудовищные конвульсии землетрясений, ночами над горизонтом вставало багровое зарево близких вулканов.

И вот, после очередного катаклизма, когда рухнули защитные стены города и высочайшие башни, а река много дней текла черной грязью, вырвавшейся из смертоносных подземных пещер, – местная вода, которую крылатые пили много миллионов лет, претерпела ужасные метаморфозы.

Многие горожане умерли сразу, а те, кто выжил, начали меняться, исподволь и поначалу совсем незаметно, вот только результат оказался чудовищен. Пытаясь приспособиться к изменившимся условиям жизни, крылатые предтечи людей стали безвозвратно терять свои былые достоинства. Все более и более звероподобные поколения появлялись на свет, и в итоге крылатые божества древности превратились в летучих демонов. То немногое, что сохранилось у них от необозримого духовного наследия предков, оказалось жутко извращено и вместо добра обратилось во зло. Если когда-то достижения этих существ далеко превосходили самые светлые человеческие мечты, то теперь крылатые пали ниже, чем способен нарисовать самому низменному человеку самый гнусный кошмар. Они предавались каннибализму, их общество раздирала вражда, выливавшаяся в череду беспощадных стычек на залитых лунным светом болотах... Их становилось все меньше, пока наконец не остался всего один. Самый последний житель погибшего города, уродливое и страшное отражение былого величия и красоты в кривом зеркале веков...

И тогда-то на сцене в самый первый раз появились люди. Смуглые, с ястребиными лицами, в доспехах из кожи и меди, вооруженные луками, это были воины доисторической Стигии. Всего пятьдесят человек, изможденных голодом и длительным переходом по враждебному лесу, в повязках с засохшей кровью, свидетельствовавших о недавних и жестоких боях... Они принесли в своей памяти картины войны, поражения и бегства от более сильного племени, которое безостановочно гнало их все дальше на юг, пока они не затерялись в беспредельности джунглей.

Войдя в город, стигийцы без сил повалились среди развалин, прямо в красные цветы, что распускаются один раз за столетие, при полной луне. Здесь воинов сморил крепкий сон, и, пока они спали, из мрака выползла ужасная красноглазая тень и совершила над каждым чудовищный и непонятный обряд. Его видела только луна, глядевшая с темных небес. Джунгли стояли в тускло-багровом сиянии, и кроваво-красные цветы покачивались над спящими... А потом луна закатилась, и тьма стала сплошной, лишь глаза крылатого демона светились двумя угольками.

Когда же развалины башен подернул белой дымкой рассвет, воинов, спавших на городских камнях, более не было. Посреди площади сидела на корточках волосатая красноглазая жуть, окруженная полусотней громаднейших пятнистых гиен. Вот они подняли влажные морды к мертвенным небесам – и завывали, точно грешные души, угодившие в огонь...

После этого видения замелькали с такой быстротой, что их едва удавалось осмыслить по отдельности. Что-то стремительно двигалось, корчило, выплывало из тени и света – в черноте джунглей, на фоне зеленоватых руин и непроглядной реки. Черные люди подплывали к причалам на длинных лодках с форштевнями, увенчанными оскаленными черепами, и с копьями в руках выходили на берег. После чего с воплями удирали во тьму, пытаясь спастись от обладателя красных пылающих глаз и слюнявой ощеренной пасти. Крики умирающих разрывали лесные потемки, чуть шелестели шаги подкравшегося упыря, вспыхивали и исчезали багровые огоньки глаз... По серебру лунного диска проносилась гигантская летучая тень, и на затерянной в джунглях поляне начинался ужасающий пир...

И вдруг мелькание остановилось, сменившись ясной и четкой картиной, затмившей все прочее. Из-за лесистого мыса, озаренного утренним солнцем, показалась длинная галера, полная чернокожих воителей, а на носу корабля стоял белый гигант в доспехах из сверкающей стали...

Конан понял, что видит сон; прежде этого мгновения он не осознавал ни себя самого, ни происходившего. Но, увидев знакомую палубу «Тигрицы» и собственный силуэт, он сразу все вспомнил... Впрочем, не просыпаясь.

Пока он силился сообразить, что к чему, картина снова сменилась. Он увидел заросшую ложину, где с девятнадцатью копыеносцами стоял Нгора, словно поджидая кого-то. И едва

Конан успел догадаться, что ждали они не кого-нибудь, а его самого, тишина stoического ожидания была нарушена криками ужаса. Прямо с небес на воинов обрушился летучий кошмар! Сойдя с ума от страха, чернокожие храбрецы побросали оружие и в панике разбежались по джунглям. Кожистые крылья зловеще хлопали над их головами.

Ничего внятного больше нельзя было разглядеть, и Конан напряг остатки сил, пытаясь проснуться. Он даже смутно различил себя самого, неподвижно лежавшего в зарослях кивающих черных цветов, – а из кустов к нему уже подкрадывалась уродливая когтистая тень. И рассудок варвара, опутанный незримыми паутинами сна, взорвался яростным победоносным усилием – Конан открыл глаза и вскинулся, готовясь защищать свою жизнь.

Реальность оказалась куда менее вразумительной, чем только что пронесшиеся сновидения. Сначала Конан увидел над собой склонившийся черный лотос – и со всей поспешностью откатился подальше.

В рыхлой влажной земле прямо перед своим лицом он увидел след, как если бы зверь высунул из кустов лапу, готовясь сделать шаг на поляну, но передумал. След напоминал отпечаток лапы невиданно огромной гиены.

Конан закричал во все горло, зовя Нгору. Никто не отозвался ему. Над лесом висела глухая тишина, в которой собственные крики показались ему беспомощно жалкими. Оттуда, где он сидел, никак не удавалось разглядеть солнце, но Конан не зря вырос вдали от цивилизации: инстинктивное чувство времени сказало ему, что день близился к вечеру. Киммериец пришел в ужас, поняв, что провалялся без сознания несколько часов. Быстро поднявшись, он поспешил по следам своих людей. Ровная цепочка отпечатков скоро вывела его на поляну. И здесь Конан остановился как вкопанный, а между лопатками побежали мурашки, – он сразу узнал поляну из своего сна, наваянного лотосовым дурманом. И, как в том сне, повсюду кругом валялись копья и щиты, брошенные в нерассуждающем бегстве.

Это подтвердили и следы, тянувшиеся с поляны в темную чащу. Отпечатки перекрывали друг друга, пересекались и беспорядочно петляли между деревьями, чтобы наконец вывести киммерийца на другую прогалину, где громоздилась скала, обрывавшаяся сорокафутовым отвесным обрывом.

И там, на краю обрыва, сидело нечто живое...

Сначала Конан решил, что увидел здоровенную черную гориллу. Но нет, существо больше напоминало чернокожего человека, ссутулившегося по-обезьяньи. Длинные руки безвольно свисали, с распушенных губ клочьями падала пена. И только когда «горилла» с каким-то отчаянным всхлипом вскинула руки и бросилась ему навстречу, киммериец с изумлением и ужасом признал Нгору.

Конан сразу понял, что несчастный сошел с ума. Нгора не обратил никакого внимания на его предостерегающий крик. Он мчался на Конана, жутко выкатив глаза, состоявшие из сплошных белков, и не по-людски ощерив зубы.

Безумец всегда внушает ужас человеку, пребывающему в здравом рассудке, а этот был еще и опасен. Стиснув зубы, Конан выхватил меч, и Нгора грудью налетел на клинок. Конан увернулся от грабастающих черных рук и, обойдя поникшее тело, подобрался к кромке откоса.

Там, внизу, на острых камнях, лежали исковерканные тела воинов Нгоры. Неестественные позы, перебитые кости, вывернутые суставы. И никакого движения, если не считать тучи жирных мух, уже клубившихся над окровавленными камнями, и хищных муравьев, добравшихся до мертвечины. На деревьях понемногу рассаживались стервятники, да еще шакал, высунувшийся на открытое место и внезапно увидевший над собой человека, поспешил схрониться в траве...

Некоторое время Конан стоял неподвижно. Потом круто развернулся и побежал обратно тем же путем, каким явился сюда, с бесшабашной отвагой продираясь сквозь высокую траву и

кусты, перескакивая через побеги лиан, змеившихся поперек тропки. Он нес обнаженный меч у бедра, и загорелое лицо покрывала небывалая бледность.

Между тем царившая в джунглях тишина становилась все более густой и зловещей. Солнце успело сесть, и лес заполнили громадные тени, выползшие из непроглядных болот. Казалось, они дышали смертью и тленом. Конан с его стальной кольчугой и алым плащом выглядел последней искоркой настоящей живой жизни. И кругом по-прежнему не было слышно ни единого звука, кроме его собственного тяжелого дыхания...

Еще несколько шагов, и он вырвался из лесных потемок в сумерки речного побережья. Вот галера, приткнувшаяся к развалинам причала, вот знакомые руины, пьяно накренившиеся над мостовыми. А еще там и сям среди камней проглядывали сполохи красного, словно чья-то небрежная рука расплескала полные пригоршни крови.

В который уже раз глазам Конана предстала картина смерти и разрушения. Копьеносцы лежали мертвыми на земле и впервые не вскочили приветствовать своего предводителя. Цепочка бездыханных тел протянулась от края джунглей до самого берега. Изуродованные, разорванные, наполовину сожранные куски мяса, совсем недавно бывшие живыми людьми. И повсюду – кровавые отпечатки звериных лап, как если бы здесь знатно повеселилась стая гигантских гиен.

Конан молча приблизился к самому берегу и вышел на причал. Там, над палубой «Тигрицы», болталось в воздухе нечто, отливавшее нежной белизной слоновой кости... Стоя у края воды, киммериец безмолвно взирал на королеву Черного побережья, повешенную на рее ее собственного корабля. Удавкой же неведомому палачу послужило то самое ожерелье из кроваво-красных камней, даже и теперь блиставших сквозь сумерки зловещим драгоценным огнем.

4. Нападение с неба

*Когда оскалу тьмы отпор давал он,
Когда вокруг лилась ручьями кровь,
Я встала рядом с ним, как обещала,
И войско ада мне не помешало
Последний раз явить мою любовь!*

Песнь Бёлит

Джунгли были черным чудовищем, зажавшим разрушенный город в необоримых объятиях. Луна еще не взошла; звезды каплями расплавленного янтаря горели на куполе мрака, с которого готовилась упасть смерть. На вершине пирамиды среди поваленных башен, подперев подбородок тяжелыми кулаками, сидел Конан-киммериец, неподвижный, как чугунная статуя. Внизу, в непроглядной тени, слышался шорох крадущихся лап, вспыхивали и гасли налитые кровью глаза. Чернокожие воины так и лежали там, где застала их смерть. Лишь королева Черного побережья покоилась на палубе верной «Тигрицы», возложенная на погребальный костер из обломков скамей, черенков копий и леопардовых шкур, закутанная в алый плащ киммерийца. Погребение обещало стать воистину королевским: вокруг Бёлит лежала вся ее добыча – шелк и парча, золотое и серебряное шитье, бочонки самоцветов и золотых монет, серебряные слитки и дорогое оружие.

Среди всего этого великолепия недоставало лишь драгоценностей из подальтарного тайника. Их судьбу теперь знали только темные воды Зархебы, куда Конан, матерясь, пошвырял все до последнего камешка. Пошвырял – и мрачно засел на верхушке пирамиды, дожидаясь незримых врагов. В его душе более не было места страху, всю боязнь без остатка выжгла черная ярость, клокотавшая внутри. Пусть из мрака является что угодно – Конану было все равно. «Только высуньтесь!»

Теперь он понимал, что черные лотосы показали ему сущую правду. Стало быть, пока Нгора с товарищами дожидался его на поляне, их насмерть перепугало нечто, спустившееся с небес; несчастные кинулись бежать, не разбирая дороги, и упали с обрыва на камни. Все, кроме старшины, который каким-то образом избег общей судьбы, но поплатился рассудком. И случилось это примерно в то самое время, когда погибали оставшиеся на берегу. Насколько мог судить Конан, у реки происходило не сражение, а резня. Мужество чернокожих было подорвано суеверными страхами; когда страхи вдруг ожили и накнулись на бедолаг, они, скорее всего, безропотно приняли смерть, даже не пробуя защититься.

Почему же самого Конана до сих пор обходила ужасная смерть? Он не мог придумать причины, разве только нечистая сила решила как можно дольше наслаждаться его скорбью и страхом... А что, это предположение выглядело достаточно здравым, ибо за всем происходившим определенно чувствовался чей-то злой разум – какая разница, человеческий или чужой. Кто-то ведь додумался разбить бочонки с водой, чтобы пираты были вынуждены разделиться. Кто-то целенаправленно загнал беглецов на опасный обрыв. И – вот уж венец всему! – кто-то затянул на белой шее Бёлит кроваво-красное ожерелье, превратив украшение в орудие казни. Так вот, носитель этого разума явно приберегал Конана, видя в нем самую желанную и достойную жертву. Кажется, его собирались раздавить изощренной душевной пыткой, после чего отправить следом за остальными. Ну-ну, пускай попытаются. На лице Конана не читалось никаких чувств, лишь в синих глазах стыл поистине железный смех...

И вот луна, поднявшаяся над лесом, заиграла на рогатом шлеме киммерийца. В эту ночь ни единое живое существо не приветствовало появление ночного светила криком, кото-

рый эхом подхватили бы остальные. Наоборот, тишина сделалась напряженной и страшной, джунгли как будто затаили дыхание. Конан инстинктивно нащупал рукоять громадного меча, до поры дремавшего в ножнах. У пирамиды, на которую он взобрался, было четыре грани, и та грань, что смотрела в сторону джунглей, состояла из широких ступеней. Конан загодя запасся тугим шемитским луком из тех, к которым приучила свою команду Бёлит, и целой охапкой стрел. Они лежали перед ним наготове – перьями к стрелку, наконечниками к лесу. Когда в кромешной тени наметилось какое-то движение, Конану осталось только тихо припасть на одно колено и взяться за тетиву.

Вот лунный свет на мгновение очертил голову и плечи какого-то существа, и к подножию пирамиды, стелясь по земле, устремилось два десятка чудовищных пятнистых гиен. Слюнявые клыки вспыхивали на свету, а глаза горели таким огнем, какого не бывает у настоящих зверей.

Конан отметил про себя их количество и подумал, что копыта пиратов, похоже, успели-таки поработать; значит, чернокожие все же не сдались без боя... Еще не завершив эту мысль, киммериец оттянул тетиву к правому уху – пропела стрела, и огнеглазая тень взвилась в судорожном прыжке, после чего забила на камнях мостовой. Остальные бежали вперед, а сверху на них дождем сыпались стрелы, посылаемые верной рукой, острым глазом и ненавистью, что была горячее адских камней.

И эта ярость не лишала Конана меткости, скорее наоборот: он не промахнулся ни одного раза. Каждый пернатый снаряд оказывался смертоносен. Стая понесла пугающий урон, даже не успев достичь подножия пирамиды. Уцелевшие гиены полезли вверх, одна за другой валясь на каменные ступени. Глядя со своего места в их пламенеющие глаза, Конан отчетливо понимал, что к его горлу рвались вовсе не звери. И дело было даже не в их неестественной величине. Хищные твари испускали отчетливо ощутимую ауру, словно черный туман над болотом, где лежат непогребенные мертвецы. Что за страшное колдовство наделило их жизнью? Конан не знал и знать не хотел, он лишь чувствовал перед собой нечисть едва ли не худшую, чем Колодец Склоса.

И еще он знал, что эту нечисть возможно было поразить оружием смертных, и ему этого было довольно.

Стоя во весь рост, он бил и бил в нападающих тварей. Последняя стрела сверкнула в лунном луче и уже в упор встретила пятнистого оборотня, взвившегося в прыжке. Мохнатое тело перевернулось в воздухе и покатило вниз, простреленное навывлет...

В следующий миг Конана захлестнула лавина пылающих глаз и оскаленных пастей. Самую первую тварь рассадил пополам свистнувший меч, но гиен было слишком много, и они сшибли Конана с ног. Удар рукояти разнес плоский череп еще одного хищника, так что кровь и мозги хлынули на руку киммерийцу. Он бросил меч, все равно бесполезный в таком ближнем бою, и молча схватил за глотки сразу двух гиен, пытавшихся терзать его закованное в латы тело. Пот заливал киммерийцу глаза, от гиен, помимо прочего, еще и жутко воняло... Если бы не кольчуга, Конана мигом растерзали бы в клочья. Одной гиене он пальцами вырвал гортань, другой сломал переднюю лапу. Покалеченный оборотень издал короткий, почти человеческий вскрик. Вырвавшись из звериного горла, он прозвучал до того жутко, что рука Конана невольно разжалась – а зря.

Какая-то из гиен, сама истекая кровью из порванной артерии, в последней ярости умудрилась хватануть его за шею – и упала мертвой. А та, что осталась без лапы, изо всех сил вгрызалась в его живот, и звенья кольчуги готовы были поддаться. Конан отшвырнул издохшую тварь, сгреб хромую – и вскинул ее над собой в воздух. Он даже застонал от натуги, гиена извивалась в его хватке, царапала когтями и силилась укусить, смрадно дыша ему прямо в лицо... Конан метнул ее прочь, и она с отвратительным хрустом обрушилась на мраморные ступени далеко внизу.

Широко расставив ноги, Конан силился отдышаться, луна и джунгли плавали в кровавой дымке у него перед глазами... И тут его слуха достиг шорох кожистых крыльев. Конан нагнулся за мечом и выпрямился, шатаясь, заноса над головой громадный клинок и пытаясь проморгнуть от заливающей глаза крови.

Он ждал нападения сверху, но вместо этого пирамида у него под ногами вдруг зашаталась. Что-то тяжело загромыхало, послышался глухой треск – и он увидел, как раскачивается венчавшая пирамиду колонна. Конан прыжком отлетел далеко прочь, одолев сразу половину мраморной лестницы. Ступени ходуном ходили у него под ногами. Еще прыжок, и он оказался на ровной земле. В то же самое мгновение пирамида рассыпалась с грохотом горного обвала, а колонна скатилась вниз, подпрыгивая и разваливаясь на куски. С неба дождем посыпались мраморные обломки... Когда все успокоилось, на месте пирамиды блестела под луной лишь груда битого камня.

Конан зашевелился на земле, отряхиваясь от мраморной крошки. Обломок, угодивший ему в голову, сбил шлем и на мгновение оглушил киммерийца. Его ноги оказались придавлены крупным куском колонны, и не было никакой уверенности, что кости в них уцелели. Черные волосы Конана слиплись от пота, из ран на руках и на шее текла кровь... Кое-как он приподнялся на локте и начал откапываться. И в это время звезды заслонила крылатая тень. Что-то мягко шлепнулось на лужайку, Конан извернулся и увидел летучего врага.

Кровожадный демон уже подбегал к нему, причем с пугающей быстротой. Конану недосуг было его особо рассматривать, он лишь мельком отметил громадный, почти человеческий торс на коротких кривых ногах, длинные волосатые лапы с черными изогнутыми когтями и широкую жуткую морду, где единственной вмятой чертой были опять-таки красные светящиеся глаза... Вот так: не человек, не зверь и не демон!

Впрочем, Конану некогда было сопоставлять и раздумывать. Он рванулся к своему мечу, но ищущие пальцы промахнулись на несколько дюймов: меч был близок, но недостижим. Тогда он попытался сбросить камень, прижимавший его ноги к земле. От усилия на висках вздулись жилы, но глыба поддавалась слишком медленно... Киммериец понял, что высвободиться не успеет. Еще несколько мгновений, и монстр насыдет на него, и он отчетливо понимал – угодить в эти черные когти значило умереть.

А чудовище приближалось. И вот, когда оно уже нависло над Конаном, точно глыба тьмы, – между ним и его жертвой замерцало нечто белое. Женское тело, сильное и прекрасное, дышащее тигриной яростью и силой любви. Бёлит встала между киммерийцем и надвигающейся смертью, гибкая и совершенно живая, Конан успел рассмотреть ее сверкающие глаза, поймать блеск роскошных волос... Ее грудь бурно вздымалась, алые губы раздвинулись в боевом крике, и он прозвучал одновременно со звоном стального клинка, которым она пронзила чудовище.

– Бёлит, – выдохнул Конан.

Она обернулась к нему... Короткий взгляд был полон любви, безоглядной и неудержимой, как огненная лава... А в следующий миг Бёлит исчезла, и осталось только летучее чудовище – Конан увидел, что оно шарахнулось прочь, словно от неожиданности и испуга, и вскинуло лапы, как бы пытаясь прикрыться от удара... Нет, Бёлит, без сомнения, лежала на своем погребальном ложе на палубе «Тигрицы», но у киммерийца в ушах почему-то отдалось ее страстное обещание: «И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь, – я восстану из бездны, чтобы явиться тебе на подмогу...»

Конан закричал и рванулся с такой неистовой силой, что тяжелый камень перышком отлетел прочь. Летучий демон вновь бросился к своей жертве, но Конан встретил его уже на ногах – и во всеоружии бешеной ярости, напрочь сжегшей усталость. Мышцы тугими канатами вздулись у него на руках, когда он крутанулся навстречу нечисти и с размаху рубанул ее поперек

тела. Разящий удар пришелся как раз над бедренными костями, и такова оказалась его сила, что кривые ноги повалились в одну сторону, а торс с волосатыми крыльями и когтистыми лапами – в другую.

В наступившей тишине Конан молча стоял под луной, разглядывая останки поверженного врага... Какое-то время в красных глазах еще светилась жизнь и неутолимая злоба, потом они погасли и остановились. Черные лапищи перестали судорожно скрести землю. Древнейшая раса, заселившая эту землю намного раньше людей, прекратила свое существование.

Киммериец огляделся, продолжая инстинктивно высматривать оборотней, прислужников летучего властелина. Нет, никто более не пытался подкрасться к нему из темноты. Более того, он увидел, что смерть вернула псевдогиенам их былой человеческий облик. У мертвецов, павших от его стрел и меча, были ястребиные лики и смуглая кожа. И все они рассыпались в пыль, пока он смотрел.

Почему их крылатый предводитель не вмешался и не помог, когда они дрались с Конаном на ступенях? Уж не боялся ли он, что они обратятся против него и, чего доброго, разорвут? Злобный разум тысячелетнего монстра был осмотрителен и осторожен. И все же в конце концов это ему не помогло.

Повернувшись, киммериец зашагал по обрушенному причалу и перебрался на борт галеры. Несколько взмахов меча – и швартовы упали в ядовитую воду, течение начало относить «Тигрицу» прочь, назад в море, а Конан встал у руля. Корабль медленно поворачивался, выбираясь на середину реки... Там его подхватила стремнина, и Конан налег на правило.

Алый плащ скрывал контуры неподвижной фигуры, царственно возлежавшей на высокой поленнице, среди богатств, способных украсить любую из сокровищниц этого мира...

5. Погребальный костер

*Осиротели южные просторы.
Умолкли весла и ветров свирели,
И грозный спущен флаг... Прими же, море,
И упокой в лазурной колыбели
Ты, что ты мне когда-то подарило...*

Песнь Бёлит

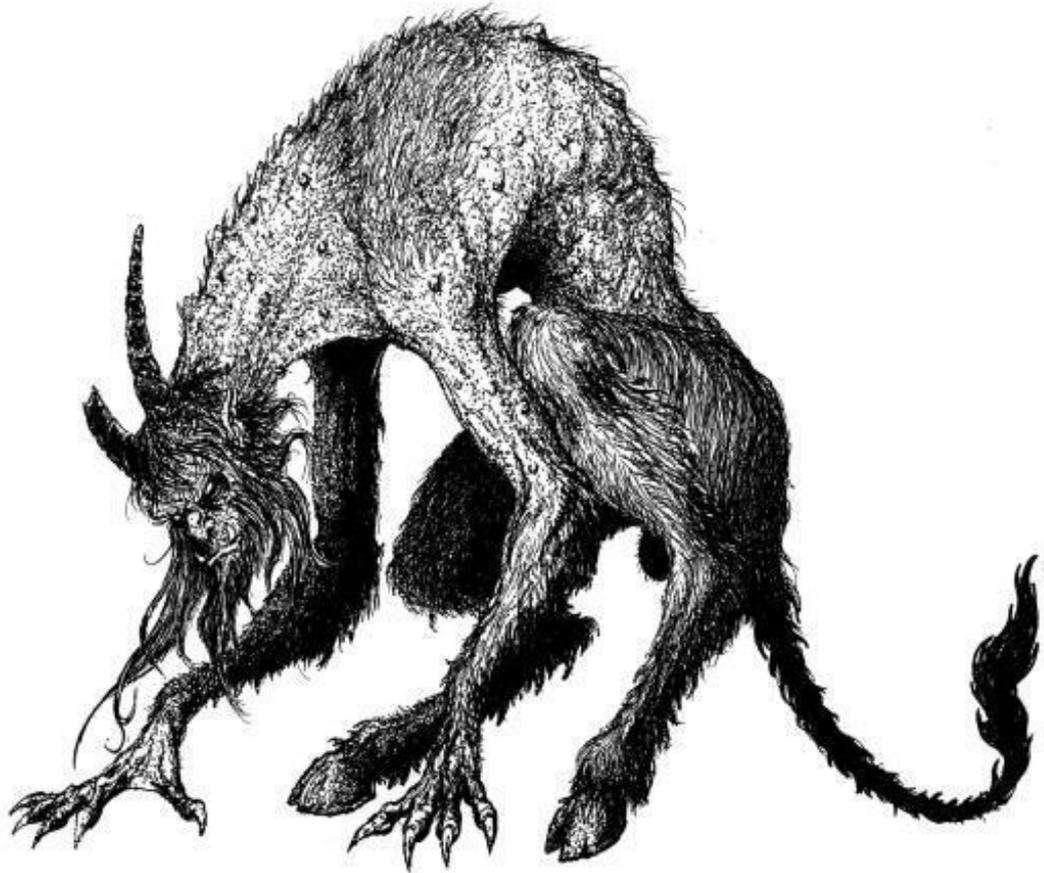
...И вот океанскую ширь позолотил новый рассвет, и, словно отвечая восходу солнца, в устье реки разгорелось алое пламя. Опираясь на громадный меч, Конан-киммериец стоял на белом песке пляжа, провожая глазами «Тигрицу», уходившую в свое последнее плавание. Взгляд Конана был мрачен и пуст. Синяя ширь океана утратила для него весь восторг, всю славу, всю душу. А туда, где зеленые дали окутывала таинственная лиловая дымка, ему попросту не хотелось смотреть.

Бёлит, влекущая и великолепная, всецело принадлежала морю, и туда, в объятия вечно переменчивой тайны, Конан теперь ее возвращал, отдавая возлюбленной последний долг. А без нее океан простирался пустыней от одного полюса до другого, а в пустыне ему больше нечего делать, некого искать. И потому-то сверкающий под солнцем синий простор казался ему едва ли не враждебней шепчущей за спиной чащи, сквозь которую – а куда денешься – ему предстояло прокладывать себе путь...

Никто более не стоял у руля на «Тигрице», никто не трудился на веслах, разгоняя ее по прозрачным утренним волнам. Звонящий ветер наполнял шелковый парус, и галера мчалась прочь от земли, как дикая птица – к родному гнезду. И чем дальше она уходила, тем выше вздымалось на ее палубе погребальное пламя, огненным саваном кутая Бёлит, спавшую под алым плащом на своем драгоценном костре...

Так завершила свои земные дни королева Черного побережья. Опираясь на меч, так и не отмытый от крови, Конан стоял и смотрел ей вослед, пока огненное зарево не затерялось у далекого горизонта, среди алых и золотых бликов рассвета...

Люди Черного Круга

1. Смерть короля

В душной ночи звон священных гонгов и рев раковин слышался далеко. Слабые отзвуки доносились и в комнату с золотыми сводами, где на устланном бархатом ложе метался Бунда Чанд – король Вендии. Смуглое лицо блестело от пота, пальцы впились в расшитые золотом покрывала. Он был еще молод, и не копьем его ранили, и не яд подсыпали в вино, но глаза застлала мгла неминуемой смерти. У одра короля на коленях стояли дрожащие невольницы, у изголовья склонилась его сестра Деви Жазмина, с глубокой тревогой вглядываясь в лицо брата. С нею был вазам, пожилой дворянин, давно состоящий при королевском дворе.

Когда далекий рокот барабанов достиг слуха Жазмины, она резко вскинула голову.

– Жрецы и вся эта суматоха! – вскрикнула Деви с гневом и отчаянием. – Они никчемны, как и лекари! Он умирает, и никто не знает отчего. Умирает – а я, беспомощная, стою здесь... Я готова сжечь город дотла и отправить на смерть тысячи людей ради его спасения!

– Я уверен, любой вендиец умер бы за своего короля, Деви, – тяжело вздохнул вазам, – если бы это помогло. Видимо, его отравили...

– Я уже говорила, это не яд! – выкрикнула она – С самого детства его охраняли, даже самым ловким отравителям Востока не удавалось до него добраться. Пять черепов белеют на

башне Бумажного Змея, доказывая, что никто из них не достиг цели. Ты прекрасно знаешь, десять мужчин и десять женщин пробуют его вина и еду, а покои стерегут пятьдесят стражей. Нет, это не яд, это колдовство. Страшное проклятие...

Она умолкла, потому что король в эту минуту заговорил; его посиневшие губы, правда, не пошевелились, а в глазах не появилось и проблеска сознания, но раздался невнятный и тихий стон, словно взывающий из бездонных, исхлестанных ветром глубин.

– Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где ты? Я не могу найти тебя. Всюду темнота и вой вихря!

– Брат! – закричала Жазмина, судорожно хватая его безвольную ладонь. – Я здесь! Ты узнаешь меня?

Она смолкла, видя полное безразличие, завладевшее королем. С его уст сорвался жалобный всхлип. Невольницы заскулили от страха, а Жазмина разодрала на себе одежды.

В другой части города некий человек выглядывал из-за ажурной решетки окна на длинную улицу, освещенную тусклыми факелами. Свет озарял воздетые к небу темные лица со сверкающими белками глаз. Из тысяч уст вырывались долгие причитания.

Мужчина был высок, хорошо сложен и носил дорогие одеяния. Он повел широкими плечами и отвернулся от окна.

– Король еще не умер, но уже слышны траурные песнопения, – сказал он второму мужчине, сидящему на циновке в углу комнаты.

Собеседник его был одет в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан. Он, равнодушно посмотрев на говорящего, вымолвил:

– Просто люди знают, что король не встретит рассвета.

Первый мужчина долго вглядывался в его лицо.

– Не пойму, – сказал он, – зачем я должен был так долго ждать, пока твои хозяева начнут действовать. Если им удалось убить короля теперь, почему они не могли сделать этого на несколько месяцев раньше?

– Искусством, которое ты называешь колдовством, управляют законы Вселенной, – ответил человек в зеленом тюрбане. – Даже мои господа не в силах этим пренебречь. Пока звезды не оказались в нужном положении, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он чертил созвездия на мраморных плитах пола.

– Восхождение Луны сулит несчастье королю Вендии, смятение среди звезд. Змея в Доме Слона. При таком положении невидимые стражи покидают душу Бунды Чанда. Открыта дорога в потусторонние королевства. Когда удалось найти точку соприкосновения, той дорогой были посланы могучие силы.

– Точка соприкосновения? – переспросил второй мужчина. – Ты имеешь в виду прядь волос Бунды Чанда?

– Да. Все части тела постоянно пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Асуры давно это подозревали, поэтому отрезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам королевской семьи, предусмотрительно сжигалось, а пепел старательно прятался. Но в ответ на мольбы княжны Косаль, безнадежно влюбленной в Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих волос. Когда мои господа решили судьбу короля, прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна держала ночью под подушкой, а вместо него положили другую, похожую. Так что княжна подмены не заметила. Потом настоящая прядь выдержала долгое путешествие с караваном верблюдов до Пешкаури и через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

– Обычная прядка волос, – произнес аристократ.

– Благодаря которой можно извлечь из тела душу и затянуть в безграничные бездны мрака, – произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с интересом приглядывался к нему.

– Не знаю, человек ты или демон, Хемса, – сказал он в конце концов, – мало кто из нас является тем, за кого себя выдает. Кшатрии знают меня как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо. Так или иначе, все – предатели, а половина даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

– А я – Черным Колдунам с Имша, – сказал Хемса, – и мои господа более всемогущи, чем твой король: своим искусством они достигли того, чего он не мог добиться с многотысячным войском.

Жалобные стоны вендийцев неслись к звездному небу, рычание раковин, казалось, изгоняет тьму. В дворцовых парках свет факелов отражался в блестящих шлемах, в изогнутых мечах и украшенных золотом нагрудниках. Все воины Айюдии благородного происхождения толпились в огромном дворце и вокруг него, а возле невысоких овальных арок и у каждой двери встало на стражу по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве. Но смерть шагала по королевским покоем, и никто не мог воспротивиться ее беззвучному шествию.

В комнате с золотыми сводами король, мучимый ужасной болью, вскрикнул еще раз. Его голос был совсем слаб и далек. Деви наклонилась над ним, дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страхом перед смертью.

– Жазмина! – раздался вновь приглушенный, полный страдания крик из темноты. – Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту. Они пробуют порвать серебряную нить, связывающую душу с телом. Клубятся вокруг. Их пальцы словно когти, их красные глаза тлеют во мраке. О, спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут, словно огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу! Что их привело ко мне? Ох!

Услышав безграничный ужас в голосе умирающего, Жазмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля свело в судорогах, с перекошенных губ хлынула пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но взгляд короля обрел осмысленность, словно бы ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу, и он взглянул на сестру.

– Брат! – заплакала она. – Брат...

– Спеш! – крикнул он слабеющим голосом. – Я уже знаю причину моей гибели. Я проделал долгое путешествие и все понял. Колдуны из Химелии напустили на меня чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которого их заклятия извлекли из тьмы. Ах! Я чувствую их силы! Твой плач и пожатие твоих пальцев вернули меня, но только на минуту. Моя душа все еще держится в теле, но эта связь все слабеет. Скорее убей меня, прежде чем они навсегда поместят мою душу в эту тварь!

– Не могу, – рыдала она, ударяя себя в грудь.

– Скорее, приказываю тебе! – В шепоте слышались прежние повелительные интонации. – Ты всегда повиновалась мне, послушайся и моего последнего приказа! Отправь мою душу в лоно Асуры! Спеш, иначе обречешь меня на вечное пребывание в теле ужасного чудовища. Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С ужасом Жазмина выдернула из-за пояса украшенный драгоценными камнями стилет и погрузила по рукоять в грудь брата. Король выпрямился, его тело ослабело, печальная улыбка искривила помертвевшие губы. Жазмина бросилась на застланные камышом плиты, ударяя по ним кулаками. За окном рычали раковины и гремели гонги, жрецы резали свои тела медными ножами.

2. Варвар с гор

Чундер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно посмотрел на письмо с печатью своего ведомства. Он правил в Пешкаури уже много лет благодаря тому, что взвешивал каждое слово, прежде чем сказать или написать его. Опасность порождала осмотрительность, только осторожные люди долго жили в этом диком краю, где раскаленные равнины Вендии соседствовали со скалами Химелии. Достаточно часа езды на запад или на север, чтобы пересечь границу и оказаться в горах, где правит закон кулака и ножа.

Губернатор, сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева, видел в широко открытом окне темно-синее небо, усеянное большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены еле различимой темной полосой вырисовывались на фоне неба, а дальние бойницы и амбразуры, казалось, растворялись в нем. Крепость губернатора стояла вне города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок колыхал висящие на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури гомон, обрывки песен и тихий звон цитры.

Бесшумно шевеля губами, Чундер Шан перечитывал написанное, прикрывая ладонью глаза от света латунного светильника. Он сразу расслышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкий окрик стражника. Занятый посланием, он не придал происходящему значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии на королевском дворе в Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, я точно выполнил приказ Вашей милости. Семеро горцев заперты в хорошо охраняемой тюрьме, а я непрестанно шлю вести в горы и жду, когда их вождь лично прибудет для переговоров. Но до сих пор он не сделал ответного шага, зато угрожает, что, если заложников не выпустят, он сожжет Пешкаури и – прошу прощения, Ваша милость, – покроет свое седло моей кожей. Он способен на все, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку приказ исходил от Деви...»

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Схватился за кривой меч, лежащий в изукрашенных ножнах на столике. И застыл, воздев его в приветствии. Особа, которая так неожиданно вошла, оказалась женщиной. Муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К волнистым волосам, охваченным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколотая прозрачная вуалька. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а ладонь прикрывала лицо.

– Деви!

Губернатор преклонил колено, но удивление и замешательство испортили эффект от столь торжественного момента. Движением руки она приказала ему встать. Он поспешно проводил ее к креслу из слоновой кости, все время оставаясь в глубоком, почтительном поклоне.

– Государыня! Это в высшей степени безрассудно! – упрекнул ее губернатор. – На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Государыня, надеюсь, ты прибыла с достаточно большой свитой?

– Большой кортеж сопровождал меня только до Пешкаури, – ответила она. – Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чундер Шан охнул от страха.

– Деви! Ты не осознаешь опасности. В часе езды отсюда полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури – не южная провинция...

– Все же я здесь, цела и невредима, – нетерпеливо прервала его Деви. – Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми, они разрешили

мне войти без доклада, подозревая, будто я – тайный курьер из Айодии. Не будем терять время. Есть известия от вождя варваров?

– Никаких, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен. Считает, что это ловушка, и, пожалуй, его не обвинишь в излишнем недоверии. Кшатрии не всегда сдерживали обещания, которые давали людям гор.

– Он должен принять мои условия! – прервала его Жазмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

– Не понимаю. – Губернатор покачал головой. – Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму, и, прежде чем успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже докладывал, не спешит. Эти люди из племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра на рассвете повешу их, если он не придет.

– Прекрасно! – воскликнула Деви. – Хорошо задумал. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат... – проговорила она сдавленным голосом, и губернатор склонил голову, почтив тем самым память умершего короля, – король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась посвятить жизнь мщению убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым я и иду. Я прочла Книгу и разговаривала с безымянными отшельниками из пещеры Иелай. Я узнала, кто и как его убил... Черные Колдуны с горы Имш.

– Боже! – побледнев, прошептал Чундер Шан.

– Боишься их? – Она пронзительно посмотрела на губернатора.

– Кто же их не опасается, государыня, – ответил он. – Это демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Забар. Но предания утверждают, будто они редко вмешиваются в дела простых смертных.

– Не знаю, почему они убили моего брата, – сказала она. – Но я поклялась на алтаре Асуры уничтожить их. Сейчас мне нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Имш.

– Да, – буркнул Чундер Шан. – Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас бульжники с любого пригорка и рвали нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через скалы Химелии, но сколько их вернулось в Хорусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Юмда, вновь увидели Секундерам.

– Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена, – сказала Деви. – Люди, знающие дорогу на Имш...

– Но они боятся Черных Колдунов и обходят ту проклятую гору, – прервал ее губернатор.

– А их вождь, Конан, тоже боится Колдунов? – спросила она.

– Ну, если говорить о нем, – сказал губернатор, – я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы этот демон во плоти боялся.

– Мне тоже так говорили. Значит, именно он мне нужен. Он жаждет освободить своих семерых человек? Прекрасно, платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти, ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колено, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как и разъяренная кобра.

– Будет так, как государыня пожелает, – сказал он.

А когда Деви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь.

– Не могу предвидеть поступки Конана. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания подозревать, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Ведь ты знаешь, государыня: туранцы основали на севере Секундерама и другие города, хотя гор-

ские племена все еще не разбиты. Король Ездигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене достичь того, чего не удавалось силой. Мне пришло в голову, вдруг Конан – один из его шпионов?

– Посмотрим, – ответила Деви. – Если он дорожит своими людьми, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодетой, а свою свиту устроила на постоялом дворе, а не во дворце. Кроме них, только ты знаешь о моем прибытии.

– Государыня, я провожу тебя в покои, – сказал губернатор.

Когда они вошли в коридор, он кивнул стоящему у двери стражнику, который, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким, извилистым коридором, освещенным коптящим пламенем факелов. Подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей, в основном для военачальников и вице-королей, хотя доселе никто из королевской семьи не почтил крепость своим присутствием. Чундер Шана все время мучила мысль, что комнаты совсем не подходили для такой высокопоставленной особы, как Деви. И хотя она старалась, чтобы в ее присутствии он чувствовал себя свободно, он все же испытал облегчение, когда государыня его отпустила. Низко кланяясь, он вышел. Потом созвал всех слуг, которые были в крепости, и велел заботиться о гостях, а еще, хотя не сказал, кто столь важные особы, поставил перед их дверью отряд копьеносцев, а вместе с ними воина, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Сбитый с толку всеми этими событиями, он забыл заменить его другим стражником.

Прошло несколько минут после ухода губернатора, когда Жазмина вспомнила, что забыла кое о чем сказать ему. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии непродолжительное время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого аристократа подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жазмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Но, будучи совершенно непредсказуемой, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к нему.

Чундер Шан тем временем вернулся в кабинет, закрыл дверь и подошел к столу. Взял свое письмо к вазаму и порвал на клочки. И тут же услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, на фоне звездного неба увидел нечеткий силуэт. В комнату ловко спрыгнул человек. В сиянии светильника блеснуло длинное острие.

– Тихо! – остерег его голос. – Не шуми, или отправлю к праотцам.

Губернатор опустил руку, потянувшуюся к лежащему на столе мечу. Он знал быстроту и мастерство горцев в обращении с забарскими кинжалами.

Пришелец оказался высоким мужчиной с могучим телосложением, что не мешало ему быть гибким и ловким, словно барс. Одет он был как горец, но суровые черты лица и голубые глаза не гармонировали с нарядом. Чундер Шан таких раньше не видел; чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточных рас – скорее всего, он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как и у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

– Ты приходишь ночами, словно вор, – прокомментировал губернатор.

Понемногу уверенность возвращалась к нему, хотя он не забывал, что в пределах слышимости нет ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

– Я взобрался на стену крепости, – рявкнул чужак. – Страж вовремя выставил голову над зубцами, мне оставалось ударить по ней рукоятью кинжала.

– Ты Конан?

– А кто ж еще? Я прибыл для переговоров с тобой. Итак, видит Кром, я здесь! Держись подальше от стола, а то я выпущу кишки!

– Я только хочу сесть, – ответил губернатор, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола.

Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя ногтем острие длинного кинжала; он ступал иначе, чем афгулы, и, не прибегая к излишней восточной учтивости, сказал с грубоватой непосредственностью:

– У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, демон тебя побери, хочешь?

– Поговорим об условиях, – осторожно ответил губернатор.

– Условиях? – В голосе прищельца появилась опасная угрожающая нотка. – В чем дело? Разве я не предложил тебе золото?

Чундер Шан рассмеялся.

– Золото? В Пешкаури столько золота, сколько ты отродясь не видал.

– Ты лжешь, – отпарировал Конан. – Я видел сук¹ золотильщиков в Хорусуне.

– Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов, – поправился Чундер Шан, – А это только капля в море богатства Вендии. Так зачем же нам жаждать золота? Было бы больше пользы для нас, если бы мы повесили этих бандитов.

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, как канаты, а длинное лезвие задрожало в сжатой руке.

– Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Глаза горца заблестели от гнева, но губернатор только пожал плечами, хотя и не отрывал глаз от сверкающего острия.

– Ты без труда можешь это сделать, а возможно, и скрыться. Но семерым пленникам от этого не будет легче. Мои люди непременно повесят их. А ведь это вожди афгулов.

– Знаю, – сказал Конан. – Все племя грызет меня, как стая волков: мол, я мало делаю, чтоб их освободить... Скажи прямо, чего ты хочешь, или – о Кром! – если не будет другого способа, соберу всю орду и приведу их к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в его глазах, Чундер Шан не сомневался в том, что стоящий перед ним с оружием в руках варвар способен на это. Губернатор не верил, что даже самая многочисленная орда горцев сможет взять город, но вовсе не желал опустошения своей провинции.

– Есть одно поручение, которое ты должен будешь выполнить, – сказал он, подбирая слова осторожно, словно это были бритвы. – Ты должен...

Губы Конана искривились в волчьей гримасе, он отпрыгнул назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов. В ту же минуту дверь внезапно распахнулась, и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чундер Шан сорвался с кресла, ощущая, что его сердце подкатило к горлу.

– Деви! – безотчетно крикнул он, на мгновение потеряв голову.

– Деви! – как эхо повторил варвар.

Губернатор заметил блеск в глазах Конана и понял его намерения. Крикнув в отчаянии, схватился было за меч, но горец двинулся с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом рукоятки кинжала по голове свалил его на пол, потом сгреб мускулистой рукой онемевшую Жазмину и прыгнул к окну. Чундер Шан, в отчаянии пробуя подняться, какую-то минуту еще различал его на фоне неба, трепещущие ткани, отчаянные взмахи рук схваченной им Деви...

– Попробуй-ка теперь повесить моих людей! – триумфально крикнул Конан, спрыгнул на зубцы стены и исчез. Губернатор только услышал пронзительный крик Жазмины.

– Стража! Стража! – закричал он.

¹ Сук – рынок в странах Востока. (Прим. ред.)

Потом встал и шатаясь подошел к двери. Открыл ее и вывалился в коридор. Эхо разносило его крики по коридорам, созывая воинов, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

– Воины, на коней! – ревел он. – Похищение!

Несмотря на весь ужас положения, ему хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные выкрики варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чундер Шан лично возглавил эскадрон в погоне за похитителем, хотя голова у него кружилась так сильно, что ему пришлось обеими руками держаться за луку седла. Он не выдал, кем являлась похищенная, сказал только, что дворянку, носящую королевский браслет, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, унося свою жертву, они-то знали, куда он поедет, – конечно же, по дороге, ведущей прямо к ущелью долины Забар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались за спиной у всадников. Далеко впереди взметнулась черная стена гор Химелии.

3. Хемса прибегает к чародейству

В суматохе, царящей в крепости, когда стражников призвали к оружию, никто не приметил, как придворная дама, сопровождавшая Деви, выскользнула через главные ворота и растворилась в темноте. Высоко подняв юбки, она помчалась в город. Бежала она не по дороге, а напрямик через поле и пригорки, огибая заборы и перепрыгивая через ирригационные каналы с ловкостью профессионального бегуна. Прежде чем она достигла стен Пешкаури, стук копыт всадников за пригорками затих. Девушка не пошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, напрягали взор стражники, вглядываясь в темноту и стараясь понять причину замешательства, завладевшего крепостью. Она пошла вдоль стены, пока не добралась до места, с которого увидела возносящуюся меж зубцов башню. Тогда она приставила ладонь к губам и издала тихий, необычный и странно резкий звук.

Почти сразу же из амбразур высунулась чья-то голова и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю и помахала рукой. Быстро и плавно ее втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она стояла на плоской крыше дома, прилегающего к зубчатой крепостной стене вокруг Пешкаури. У открытых ставней мужчина в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему не стоило труда втащить взрослую женщину на пятнадцатиметровую стену.

– Где Керим Шах? – выдохнула она.

– Спит внизу. Ты принесла весть?

– Конан украл Деви из крепости и увез ее в горы! – выпалила она.

На лице Хемсы не отразилось никаких чувств, он только кивнул головой, обвязанной тюрбаном, и сказал:

– Керим Шах будет доволен, когда узнает об этом.

– Подожди! – Девушка обняла его за шею.

Она тяжело дышала не только от бега. Ее глаза пылали во мраке, как два черных алмаза. Она приблизила свое лицо к лицу Хемсы, он принял ее объятия, но не ответил.

– Ничего не говори гирканцу! – выдохнула она. – Мы сами воспользуемся ситуацией. Губернатор и его люди поехали в горы, но с таким же успехом они могли бы преследовать духа. Чундер Шан никому не сказал, что похитили именно Деви. Кроме нас, в Пешкаури и в крепости никто ничего не знает.

– А какая в этом польза для нас? – сказал в раздумье мужчина. – Мои господа послали меня вместе с Керим Шахом, дабы я помогал ему в каждом...

– Помоги себе! – крикнула она с яростью. – Сбрось ярмо!

– Ты хочешь сказать... я должен оказать неповиновение моим господам? – пробормотал он, и девушка, прижавшаяся к его груди, почувствовала, как Хемса содрогнулся от ужаса.

– Да! – Она со злостью встряхнула его. – Ты тоже колдун! Почему же ты должен быть невольником, направлять свои силы и искусство только на возвеличивание других? Пора уже самому воспользоваться всем этим!

– Нельзя! – Хемсу лихорадило. – Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу моих хозяев я осмеливаюсь пользоваться знанием, которым благодаря им располагаю.

– Но можешь использовать его намного лучше! – упорно убеждала она. – Сделай то, о чем тебя прошу! Конан похитил Деви, чтобы держать ее заложницей и обменять на пойманных семерых вождей. Убей их, тогда Чундер Шан не сможет использовать их для выкупа Деви. Потом подадимся в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим – обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. Мы станем богатыми, ты и вообразить

себе не можешь такого богатства! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выйдем туранцев с гор и вышлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа как лист в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по бледному лицу.

– Люблю тебя! – страстно крикнула она, крепко прижимаясь к нему. – Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим магистрам! Почему ты боишься Черных Колдунов? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов! Нарушь и остальные! Ты так же могуществен, как они!

Даже человек изо льда не выдержал бы такого огня страсти и ярости в ее словах. С невыразительным возгласом Хемса прижал к себе девушку и осыпал градом поцелуев.

– Я сделаю так! – сказал он охрипшим голосом.

Он пошатывался, словно захмелев от обуревающих эмоций.

– Сила, которой наделили меня магистры, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

– Ну идем же! – Осторожно выбираясь из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше. – Мы должны быть уверены, что губернатор не успеет обменять семерых афгулов на Деви.

Хемса пошел за ней как в трансе, они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменяясь в лице, покачал головой.

– Я ел его соль, – шепнул он. – Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли за дверь, ведущую на узкую крутую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа, вытерев пот со лба. Он не боялся удара ножом, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

– Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны помнить, что говорить следует тише, – шепнул он себе. – Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь уже нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Он встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент, потом начертил несколько коротких предложений:

«Косра-хану, губернатору Секундерама. Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и отправился в афгульскую деревню. Есть шанс схватить Деви, чего так давно жаждет король. Не откладывая, вышли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводниками в долине Гурашах».

Достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к лапке свернутый в маленькую трубочку пергамент. Затем быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепетал крыльями, обрел равновесие и исчез в темноте. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах вылетел из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной, в ней были только одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале, ворота. В висящем над порталом светильнике горели смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине была тога из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан на голове. В неверном свете факела казалось, что его глаза горят страшным огнем.

– Кто там? – спросил стражник, выставляя вперед копьё. – Кто ты?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья упиралось в его грудь. С необычайным вниманием он вглядывался в стражника.

– Что ты обязан делать? – спросил он вдруг.

– Охранять ворота! – машинально ответил тот сдавленным голосом и замер как изваяние, глаза остекленели, взгляд сделался отсутствующим.

– Неправда! Ты должен слушаться меня! Ты посмотрел мне в глаза, и твоя душа теперь принадлежит мне. Открой дверь!

Словно каменный, с лицом, застывшим в удивленной гримасе, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом встал поодаль, глядя перед собой остекленевшими глазами.

Из тени выскользнула женщина и нетерпеливо положила руку на плечо пришельца.

– Скажи ему, пусть даст нам коней, Хемса, – шепнула она.

– Зачем? – ответил Хемса. Чуть-чуть повысив голос, он сказал стражнику: – Ты исполнил, что должен был исполнить. Теперь убей себя!

Воин как в трансе оперся концом копья о землю у стены и прислонил узкое лезвие к животу. Медленно, флегматично налег на него всей тяжестью, острие прошило его насквозь и вышло между лопатками. Воин пару раз дернулся в конвульсиях и замер, торчащее из тела копье походило на ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на происходящее с мрачным восторгом, пока Хемса не схватил ее за плечо и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами – внутренней и внешней. Внутренняя была ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охранник медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. Колдун не тратил время на чары, но его спутнице и сейчас показалось, что она – свидетель колдовства. Охранник грозно замахнулся копьем и уже открыл рот, чтобы закричать; на крик прибежал бы отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи воина. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Подошел к первой же двери и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь с треском уступила. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву пошли трещины, бронзовые засовы погнуты и вырваны из гнезд. Даже сорок воинов, бьющих тысячефутовым тараном, не смогли бы нанести большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой вояка с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходках.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. Заметили волосатую руку, схватившуюся за решетку, и белки блестящих в темноте глаз. Хемса мгновение помедлил, вглядываясь в темноту. Потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть блестящей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, освещая дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, осветив каждую деталь их поношенной одежды и орлиные черты заросших, бородатых лиц. Никто из них не отозвался, но в глазах у них был ужас, волосатыми руками они крепко сжимали прутья.

Огонь погас, но блеск остался – дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко-зеленого дыма, который изгибался и скручивался, как огромная змея. Эта лента вдруг превратилась в облако, медленно двигаясь по каменному полу прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передавалась клетке. С раскрытых губ горцев не слетало ни единого звука. Зеленая тучка доползла до решетки, закрывая ее от глаз девушки. Как

туман, проникла она сквозь прутья и окутала горцев. Из густых клубов раздались сдавленные стоны, словно бы кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, которая смотрела широко раскрытыми от удивления глазами на происходящее. Она обернулась и машинально пошла за ним, все время оглядываясь через плечо. Мгла стала рассеиваться; прямо возле решетки была видна пара обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные абрисы семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

– А сейчас оседлаем верховую лошадь, она быстрее любого из скакунов, возвращенных в конюшнях смертных, – сказал Хемса. – Будем в Афгулистане еще до рассвета.

4. Встреча на перевале

Деви Жазмина не могла припомнить ни одной подробности своего похищения. Внезапность и быстрота происходящих событий ошеломили ее, в памяти остались только отдельные моменты: объятия могучих рук, горящие глаза похитителя и его дыхание, обжигающее шею. Прыжок через окно на зубцы стены, бег по ступеням и крышам, парализующий страх высоты, ловкий спуск по канату, привязанному к зубцу (похититель спустился по нему в мгновение ока, перебросив онемевшую жертву через плечо), – все это оставило в памяти Деви лишь невыразительный след. Немного лучше она помнила быстрый бег человека, который нес ее с легкостью, тень деревьев, прыжок в седло дико ржущего балканского жеребца. Потом была бешеная скачка и стук копыт, высекающий искры на каменистой дороге, ведущей через предгорья.

Когда она вновь обрела ясность мысли, внутри закипели ярость и стыд. Она пребывала в отчаянии. Правители золотых королевств на юге от Химелии почитались почти как боги, а она ведь – Деви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Девушка разъяренно вскрикнула и стала вырываться. Она, Жазмина, переброшена через луку седла горского вождя, словно обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее покрепче, и Жазмина впервые в жизни подчинилась силе. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкали белые зубы. Свободно опущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда, почти небрежно, удерживался в седле.

– Пес! – выкрикнула Жазмина, пылая от гнева, стыда и бессилия. – Ты имеешь дерзость... смеяться! Заплатишь головой! Куда меня везешь?

– В деревню афулов, – ответил тот, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов; он заметил также отблеск света, значит, открыли большие ворота. Конан громко засмеялся, смех его звучал, как рокот водопада.

– Губернатор выслал в погоню за нами конников, – сказал он с насмешкой. – О Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Деви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую княжну?

– Скорее вышлют армию и повесят тебя вместе с твоим демоновым племенем, – разозлилась она.

Он радостно засмеялся и, усаживаясь удобнее, сильнее прижал ее к себе. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и возобновила борьбу, пока не пришла к выводу, что попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни воздушные, развевающиеся на ветру шелковые одежды были в ужасном беспорядке. Она решила, что лучше хранить надменное спокойствие, и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли выхода в долину Забар, зияющего, словно брешь, в темной стене скалы, которая загородила им дорогу. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал проход в сплошной скале. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча выход в долину в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в темноте ничего, но, зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный зверь еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались через долину, взобрались на хребет. Затем переправились через ущелье, где предательский сланец провоцировал на неосторожный шаг, осыпаясь на дорогу.

В густой темноте Конан не мог заметить засаду, устроенную забарскими горцами. Они с Жазминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копьё и с глухим звуком вонзилось в круп мчащегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на камни. Но Конан, заметив летя-

щее копьё, отреагировал с быстротой молнии. Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтобы она не поранилась о сланец. Приземлился на ноги, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив кинжал.

Жазмина, сбита с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела нечто черное, появившееся из темноты, услышала топот ног на скале и шорох осыпающихся камешков. Заметила блеск стали, короткий обмен ударами, и в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан разможил противнику голову.

Киммериец отпрыгнул и притаился под скалой. В темноте слышалось какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

– Что такое, псы? Хотите улизнуть? Вперед, проклятые! Взять их!

Конан вздрогнул, глянул в темноту и закричал:

– Яр Афзал?

Раздались удивленные возгласы и тихий вопрос:

– Конан, ты?

– Да! – засмеялся киммериец. – Иди сюда, старый бандит. Я убил одного из твоих людей.

Между скал началось замешательство, мелькнул огонек, выросший в светлое пламя факела, и, мерцая, стал двигаться к ним. По мере того как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, державший факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в сланцевый лабиринт, в другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча кинжал, а незнакомец, завидев его, радостно рывкнул:

– Да это Конан! Выходите из-за скал, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие бородатые оборванцы с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили, киммериец заслонил ее своим могучим телом. Вглядывая из-за его спины, девушка впервые за эту ночь ощутила, как по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины походили скорее на волков, чем на людей.

– На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? – спросил Конан здоровяка, который, словно бородатый вампир, ощерил зубы.

– Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы, – ночные птицы. А как твои дела, Конан?

– У меня пленница, – ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жазмину.

Протянув длинную руку в расщелину, он вытащил дрожащую вендианку.

Жазмина потеряла прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на кровожадные лица, испытывала подобие благодарности к человеку, который властно обнимал ее.

Кто-то поднес поближе факел, стало слышно шумное сопение, при виде девушки у горцев перехватило дух.

– Она моя пленница, – предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего за кругом света человека, только что убитого им. – Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной – кшатрийская погоня.

– Поехали в нашу деревню, – предложил Яр Афзал. – В ущелье спрятаны кони. Нас в темноте никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

– Ближе, уже слышен стук копыт по камням, – ответил Конан.

Вазулы не стали терять время, сразу же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Деви на руки, она не сопротивлялась. Острые камни ранили ее изнеженные ноги, обутые в мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой глубокой тьме, царящей над огромными вершинами.

Чувствуя, как она дрожит под холодным дуновением воющего в ущелье ветра, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Вместе с тем, предостерегая,

шикнул ей на ухо, приказав молчать. По правде, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана и подчинилась.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверх, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Услышала звуки: это шаркались кони. После короткого обмена мнениями Конан оседлал коня убитого воина. Поднял девушку к себе в седло. Тихо, как призраки, вся банда выехала из ущелья. Мертвые конь и человек остались на дороге; полчаса спустя их нашли всадники из крепости, признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижимаясь к груди похитителя, Жазмина не могла одолеть сон. Несмотря на неровность дороги, то вздымающейся в гору, то спускающейся в низину, конная езда обладает определенным ритмом, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий нагоняет неодолимый сон. Жазмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала абрисы гигантских скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные брустверы, почти достигающие звезд. Время от времени она чувствовала пустоту зияющей пропасти, и ее пробирало холодное дуновение веющего среди недостижимых вершин ветра. Постепенно все покрыла мягкая сонная мгла: и стук конских копыт, и скрип упряжи казались нереальными отзвуками сонного бреда.

Жазмина с трудом осознала, что кто-то снимает ее с коня и несет по ступенькам. Потом ее опустили на что-то мягкое и шелестящее, положили под голову нечто похожее на свернутый плащ и заботливо укрыли. Она услышала смех Яр Афзала:

– Ценная добыча, Конан. Достойная вождя афгулов.

– Я ее взял не для себя, – послышался ворчливый ответ. – За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, демон их побори!

Это были последние слова, которые она слышала, прежде чем заснуть глубоким сном.

Она спала в то время, когда вооруженные всадники прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбу королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнились звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях.

Несколько призрачных фигур на тощих конях притаились в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, остерегающе поднял вверх ладонь, дожидаясь, пока всадники проедут мимо. Потом тихо засмеялся:

– Должно быть, потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в деревне афгулов. Много нужно будет воинов, чтобы выкурить его из этой лисьей норы. На рассвете здесь появится много отрядов.

– Если будет схватка, будут и трофеи, – сказал кто-то за его плечами на иракзайском диалекте.

– Будут и трофеи, – ответил человек в шлеме. – Но сначала мы должны попасть в долину Гурашах и подождать конницу, которая еще до рассвета выйдет из Секундерама.

Он пришпорил коня и выехал из оврага, его люди двинулись следом – как тридцать призраков.

5. Черный жеребец

Когда Жазмина проснулась, солнце стояло высоко в небе. Девушка не вскочила с кровати, оглядываясь вокруг пустым взглядом и соображая, где она находится. Проснувшись, она сразу припомнила все события, произошедшие накануне. От долгой езды болели все кости, а тело все еще ощущало объятия мускулистых рук мужчины, который так далеко ее увез.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утопанный глиняный пол. Под головой у нее был свернутый тулуп, а одеялом служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных между собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В толстых стенах шурились узкие бойницы. Была также и дверь – огромная плита из бронзы, несомненно украденная с какой-нибудь вендийской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жазмина увидела прекрасного черного жеребца, жующего сухое сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанах сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через него выходила часть дыма, остальной расплзался голубоватыми прядями по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жазмину, показывая лицо со смелыми красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи послышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил могучую фигуру, и Жазмина заметила еще несколько деталей, которые ускользнули от ее внимания ночью. Его одежда была чистой и незаношенной. Широкого бакарийского пояса с торчащим кинжалом в резной оправе не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

– Твоя пленница проснулась, Конан, – сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, он ощерил зубы и, зацепив девушку ногой, опрокинул ее на землю. Похоже, такие незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жазмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

– Не очень подходящие харчи для Деви, моя милая, но лучшего у нас нет, – буркнул он. – По крайней мере, это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Деви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она, скрестив ноги, уселась на полу и, поставив миску на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были заменить ей столовые приборы. Между прочим, умение приспособливаться – одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

– Где я? – спросила она.

– В доме Яр Афзала, вождя Курума, – ответил он. – Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы, ищут тебя, горцы уже вырезали пару отрядов.

– Что ты намерен делать?

– Задержаться здесь, пока Чундер Шан не согласится выпустить моих конокрадов, – объяснил он. – Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жазмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, ведь ее план превратился в ничто, она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своей мести. Она отшвырнула миску с остатками еды, вскочила на ноги, сжав от злости зубы.

– Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, и более крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил свою рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю.

– Эти проклятые псы все ропшут, Конан, – сказал он. – Хотят, чтобы я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, она благородная, это видно по одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если мы рискуем, пряча ее в нашей деревне?

– Одолжи мне коня, – ответил Конан. – И мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

– Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, так же как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, что ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жазмина выглянула через бойницу, увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших волосами оборванцев мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом и слушали мужчину, сидящего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, Жазмина понимала его с трудом, хотя частью полученного ею образования была наука языков Иранистана и родственных гулистанских диалектов.

– Я говорил с дагозанцем, прошлой ночью он видел огромный конный отряд, – рассказывал разведчик. – Тот сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чундер Шан. Они нашли убитого коня, и один из воинов узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра в темноте напали на них, нанесли им большой урон и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизили под покровом ночи в долину Забар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, вендийцы собирают большую армию, хотят очистить горы вокруг Забара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жазмина плотнее приникла к бойнице, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

– Куда он направился? – спросил Яр Афзал.

– Дагозанец не знал. С ним триста иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

– Иракзаи – шакалы, собирающие остатки из львиной пасти, – заворчал Яр Афзал. – Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Иранистана.

– Нет, – сказал Конан. – Я знаю его давно. Он гирканец, шпион Ездигерда. Если я его поймаю, повешу на тамариске.

– А кшатрии?! – выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов. – Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

– Пусть только появятся, – буркнул Яр Афзал. – Мы удержим ущелье против конницы. Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

– Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! – заорал человек. – Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжал он не вытаскивал, но левую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

– Я никого не прошу сражаться за меня, – ответил спокойно. – Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув, как кот.

– Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят человек разорвут тебя на части! – закричал он.

– Что?! – зарычал Яр Афзал, багровея от гнева. – Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказаниям какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало сине-фиолетовым. Потом в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

– У кого еще есть сомнения? – зарычал он и обвел всех воинственным взглядом, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крикнул и втокнул оружие в ножны жестом, полным презрения. Потом со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя, исторгнув из него вопль боли.

– Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего, – приказал он.

Мужчина удалился, дергаясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заткнув пальцы за пояс, прищуренными глазами глядя на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо смотрели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

Мужчина обогнул ряд хат, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, которые были свидетелями его поражения, потом быстро пошел вверх по дороге, вьющейся меж валунов и скал. Едва он дошел до первого поворота и скрылся с глаз насмешников, как остановился точно вкопанный и раскрыл рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кто-то из чужаков смог проникнуть в долину Курум не замеченным соколинооками наблюдателями... И все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул хотел крикнуть, а его рука уже схватила за рукоять нож. Но его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в горле, рука бессильно опустилась. Он стоял будто статуя, вглядываясь в даль остекленевшим взглядом. Несколько мгновений они стояли неподвижно, потом человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне таинственный знак. На скале рядом с символом что-то заблестело – появился сверкающий, словно шлифованный уголь, шар. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который безотчетно схватил его.

– Отнеси это Яр Афзалу, – сказал незнакомец.

Воин машинально развернулся и зашагал обратно, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки, которая с удивлением и страхом смотрела на колдуна, впервые испытывая такие чувства.

– Зачем ты это сделал? – спросила она.

Хемса ласково погладил ее черные волосы.

– Ты, наверное, все еще ошеломлена ездой на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? – рассмеялся он. – Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности в деревне вазулов. Их много, и ножи их остры. Я задумал кое-что поумнее, чем просто убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, можно и так угадать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда моя жертва подаст вождю Курума шар Езуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидав воина, высланного обойти дозоры.

– Я же приказал тебе обойти посты! – зарычал вождь. – Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не отвечал, он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая ему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку, но прежде, чем он успел что-либо сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю. Черный шар выпал из руки воина и покатился под ноги Яр Афзалу, который только теперь заметил его. Он наклонился и поднял шар с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как их вождь наклоняется, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

– Отнесите этого дурака в дом, – приказал он. – Он похож на человека, наевшегося лотоса. Глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-а!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани, и ладонь не хотела раскрываться.

Измученные воины вдруг увидели, как глаза Яр Афзала ужасно расширились и кровь отхлынула от лица. С его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался крик боли, вождь зашатался и рухнул, словно пораженный громом, вытягивая перед собой правую руку. Он упал лицом на землю, а между его разжатых пальцев выползал паук с волосатыми конечностями и туловищем, блестящим, как шлифованный уголь.

Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий повелительный голос. Позже каждый из присутствовавших там и оставшихся в живых мужчин утверждал, что это кричал не он, но только слова эти слышали все:

– Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. В небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддались повелительному кличу. С горящими от ненависти глазами они бросились вперед, хлопая полами плащей и поднимая ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал: в мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были слишком близко, и, находясь уже на пороге, он повернулся и отбил удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, уклонился от удара другого ножа, распоров живот его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием кинжала, который держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Нож на лету отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь

под нажимом могучего тела уступила, и киммериец спиной влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его в глубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст сломанных костей, в следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом смотря на дерущихся они то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, порой почти падая на нее. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил ствол дерева, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние помешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах с хрустом высохшей ветки, и воин упал на Конана, сбив его с ног оба рухнули на глиняный пол.

Жазмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, будто оба они мертвы. Она была уже рядом с воинами, когда Конан оттолкнул труп и начал вставать. Схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке:

– Ты жив! Я думала... думала, он тебя убил!

Конан посмотрел на побледневшее, обращенное к нему лицо и широко раскрытые черные глаза.

– Почему ты дрожишь? – спросил он. – С чего бы тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жазмины сразу же появилась тень надменности, она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Девы.

– Предпочитаю уж лучше тебя, чем эту стаю волков, воющих снаружи, – ответила она, показывая на дверь, вокруг которой начали крошиться камни.

– Долго не выдержит, – заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жазмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные прутья и входит к буйному животному. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри, но Конан подпрыгнул и, с нечеловеческой силой схватив его за гриву, заставил стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он дал возможность надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стремянами.

Киммериец повернул коня и позвал Жазмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт жеребца. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

– Здесь есть тайная дверь, о ней даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах.

Выглянув в проем, Жазмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально вздымающуюся на несколько футов за задней стеной дома.

Конан вскочил на коня, поднял девушку, усадил перед собой. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала, через проем ввалилась толпа орущих воинов с кинжалами в руках.

Огромный жеребец вылетел из дома и погнал ущельем, вытянувшись струной на бегу, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох, точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло столь быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Он упал, сбитый мчащимся конем, а его спутница пронзительно вскрикнула. Конан видел ее всего лишь мгновение: стройная темноволосая красавица в шелковых шароварах и нагруднике, шитом драгоценностями, вжавшаяся в стену расщелины. Черный конь мчал, будто несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу, а кроважидный вой горцев, когда они выбежали следом через потайную дверь в ущелье, сменился криками изумления и отчаяния.

6. Гора Черных Колдунов

– Куда мы теперь? – Жазмина, прижатая к похитителю, попробовала сесть прямо в качающемся седле.

С легким стыдом она призналась себе, что прикосновения его мускулистого тела ей не так уж неприятны.

– В Афгулистан, – ответил он. – Это далеко, но конь доставит нас без труда, если мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Сейчас, когда Яр Афзала нет в живых, эти проклятые вазулы будут преследовать нас по пятам. Странно, что погони за нами еще не видно.

– Кто тот человек, которого ты сбил? – спросила она.

– Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не знаю, что он там, демон его побери, делал. Там еще была девушка.

– Да, – Жазмина свела брови. – Не пойму. Она моя придворная дама по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек – ее друг? Если да, то вазулы схватят их обоих.

– Что ж, – проговорил Конан, – мы ничего не можем сделать. Если вернемся, то вазулы сдерут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших ужасные обряды в тайных святынях Езуда, – у их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя, словно живой труп, таращится стеклянными глазами, исполняет все приказы. Кроме того, я видел, что было в руках у этого человека, – то, что поднял Яр Афзал. Похоже на большую черную жемчужину, такие носят девушки из храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони нечто подобное. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли, не зная, как поступить, кто-то крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, тот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Кажется, он прозвучал сверху.

Жазмина ничего не ответила. Посмотрела на суровые очертания высящихся хребтов и задрожала. Печальный пейзаж наполнил ее душу отчаянием. В столь мрачном, пустом краю могло произойти все, что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру – эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце сияло высоко в небе, донимая отчаянной жарой, и все же внезапные порывы ветра, казалось, срывались с ледяных круч. На мгновение Жазмина услышала свист вверху, он не походил на свист ветра, и, посмотрев на Конана, вглядывающегося в небо, поняла, что и он удивлен не меньше. Девушке показалось, будто по голубому небу промчалась неясная тень, словно что-то быстро пролетело у них над головами, но она не была уверена. Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в глубокое ущелье, вряд ли солнечные лучи достигали его дна. Порой тропа взбиралась так высоко на крутые склоны, что казалось, они вот-вот осыплются под ногами, или вела по острым как нож граням, со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между склонами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

– Эта дорога ведет в деревню галзаев, – объяснил он. – Женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жазмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны, так же как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одевание, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для каменистой Химелии.

Доехав до поворота, Конан слез и помог Жазмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан, довольный, кивнул головой, хотя девушка ничего не заметила.

– Идет женщина, – сказал он.

Жазмина в порыве испуга схватила его за руку.

– Ты... ты не убьешь ее?

– Как правило, я женщин не убиваю, – ответил Конан, – хотя некоторые из этих горянок – сущие волчицы... Нет, – улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку, – я ее не убью. Клянусь Кромом, даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Деви с облегчением кивнула. Ей казалось обычным явлением, что мужчины убивают и гибнут, но при мысли о том, что она могла бы стать свидетельницей убийства женщины, по телу пробежала дрожь.

Наконец из-за поворота вышла высокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан слишком близко, ей не удастся улизнуть, и спокойно осталась стоять, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

– Если отдашь свою одежду, – сказал он, – получишь эту монету.

Горянка отреагировала сразу же. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жазмине.

– Иди за скалу и переоденься там, – приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелийский горец. – Сверни платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

– Деньги! – визгливо потребовала галзайка, с жадностью протягивая руку. – Золото, которое ты обещал.

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее, кинула для пробы, потом спрятала в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишённая стыда, равно как и одежды.

Конан ждал с некоторым нетерпением, пока Деви впервые в жизни оденется сама. Когда она вышла из-за скалы, он помянул Крома от изумления, и Жазмина ощутила прилив странного волнения при виде нескрываемого восхищения, написанного у него на лице. Она почувствовала стыд, замешательство и укол тщеславия, а от его горящего взора ее бросило в дрожь. Конан положил тяжелую ладонь ей на плечо и, повернув Деви, оглядел со всех сторон.

– О Кром! – сказал он. – В тех ниспадающих, неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты – женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Деви Вендии, а вышла как горская девушка – но в тысячу раз прекраснее, чем все девки Забара! Была богиней, теперь – женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жазмина, приняв это за знак своеобразного уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно бы, сбрасывая королевские одежды, она избавилась от уз предубеждений и условностей.

Но Конан не забывал о грозящей опасности. Чем больше они удалялись от Забара, тем менее вероятной была встреча с кшатрийскими отрядами, но он все равно постоянно прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по их следам.

Устроив Деви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяниями Деви он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

– Почему не отдал одежду девушке? – спросила она.

– Всадники из Пешкаури прочесывают горы. Горцы будут в ответ нападать на них, а те – уничтожать непокорные деревни. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы их навести на наш след.

– А что она сейчас будет делать? – спросила Жазмина.

– Вернется в деревню, скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее, будет избита. Это дает нам запас времени. Нас не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

– Здесь совсем не видно следов людских селений, – заметила Жазмина. – Даже для Химелии район слишком безлюден. Мы не встречали ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили галзайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

– Имш, – сказал Конан. – Горские племена предпочитают строить свои деревни подальше от этой горы.

Жазмина окаменела.

– Имш, – шепнула она. – Гора Черных Колдунов!

– Так говорят, – ответил он. – Я еще никогда так не приближался к ней. Мы отклонились на север, чтобы не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться аж до этих мест. Нахоженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь – старый, его редко кто использует.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Сколько ехать отсюда до Имша?

– Остаток дня и целую ночь, – ответил он с улыбкой. – Хочешь туда поехать? Клянусь Кромом, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

– Почему они не соберутся и не убьют демонов? – спросила она.

– С мечами против колдовства? И потом, колдуны не вмешиваются в людские дела, если им не вставляют палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорят, на восходе или закате солнца среди скал замечали жителей Имша – высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

– А ты? Побоялся бы на них напасть?

– Я? – Такая мысль показалась ему неожиданной. – Ну, если б они мне перешли дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл в горы, чтобы собрать людей, а не воевать с колдунами.

Жазмина ничего не ответила. Смотрела на гору словно на врага, гнев и ненависть вновь переполняли ее. Она старалась придумать, как настроить против хозяев Имша человека, во власти которого сейчас находилась. Может, найдется способ достичь поставленной цели? Деви не могла ошибиться в выражении его диких голубых глаз, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало оттого, что белые женские ручки тянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем:

– Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно не переставая вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту, сверкая в солнечных лучах, оно превратилось во вращающийся конус. Потом тот оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перо проплыл по небу и исчез в голубом бездонье.

– Что это? – неуверенно спросила девушка.

– Здешние называют такой вихрь «Ковер Имша», я не знаю, что это означает, – сказал Конан. – Однажды я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам демон наступал им на пятки. Они попрятались в скалах и пещерах, увидав, как эта ярко-красная туча срывается с вершины. Что...

Они проехали мимо трещины, настолько узкой, что казалось, будто кто-то рассек скалу ножом, и остановились на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую – высокая круча. По уступу проходила заброшенная дорога, ведущая вниз; скрытая скальными хребтами, она вновь появлялась через равные промежутки пути. Выехав из расселины, которая вела на уступ, черный жеребец захрапел и стал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только фыркнул и замотал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на невидимую преграду.

Киммериец выругался и спрыгнул на землю, придерживая Жазмину. Двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая встретить препятствие. Но ничто не преграждало им путь, хотя, когда он попробовал потянуть коня за уздечку, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жазмина вскрикнула, и Конан, повернувшись на каблуках, схватился за кинжал.

Он не заметил приближения кого-либо, но перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце человека, которого сбил в ущелье у вазульской деревни.

– Кто ты, демон тебя возьми? – спросил Конан.

Он заметил, что зрачки незнакомца непривычно расширены, неподвижны и с магнетической силой притягивают внимание.

Колдовство Хемсы основывалось на подчинении мыслью, как и большая часть восточной магии. Бесчисленные поколения жили и умирали с неколебимой верой в возможности и силу подобного воздействия. Создавалась столь гнетущая атмосфера страха, что человек, воспитанный в традициях Востока, столкнувшись с колдуном, оказывался беспомощен.

Но Конан родился и вырос в других землях. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся представителем иной цивилизации. В Киммерии такое колдовство не было даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению мысленному внушению, на варвара с Севера не действовало.

Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал как слабые невидимые путы, настолько тонкие, что мог их разорвать, будто паутину. Поняв враждебные намерения колдуна, он вырвал из-за пояса кинжал и набросился на него.

Но умение подчинять оказалось не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жазмина не заметила хитрых уверток или колдовства, благодаря которым человек в зеленом тюрбане смог уклониться от страшного удара в живот. Узкое острие прошло у него под мышкой, но стоило Хемсе прикоснуться открытой ладонью к шее Конана – киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Он смягчил удар от падения, подставив левую руку, одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился, отскочив назад. Вдруг Жазмина громко крикнула, увидев, как из-за скалы выходит женщина и встает рядом с человеком в зеленом

тюрбане. Крик радости замер на губах у Деви, когда она увидела злобу, отразившуюся на лице Гитары.

Конан медленно поднялся, ошеломленный ударом, нанесенным по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения Атлантиды в пучину океана, – такой удар запросто сломал бы шею обыкновенному человеку. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг убедился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, слегка поколебала его новообетенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Конан, Жазмина и девушка Хемсы тоже невольно посмотрели в том направлении. По горным склонам скатывалось алое конусовидное облако из блестящей пыли. Лицо Хемсы стало пепельным, рука задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом Гитара, чувствуя, что с ним происходит, испытующе взглянула на колдуна. Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе между Конаном и Хемсой, который со сдавленным криком отшатнулся, увлекая за собой девушку, судорожно схватив ее за плечо.

Облако некоторое время висело на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью. Потом неожиданно исчезло, а на скале появились четверо мужчин. Невероятно, невозможно, но все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных длинных тогах. Они молчали, согласно кивая головами, похожими на птичьи, и смотрели на Хемсу. Но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он медленно попятился, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой не смог обнять испуганную Деви. Ни единого слова не было произнесено. Вокруг, словно тяжелый покров, лежала тишина.

На лицах с птичьими чертами застыло выражение беспристрастности, взгляды оставались неподвижно-сосредоточенными. Хемсу лихорадило, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы были напряжены. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой.левой рукой он судорожно вцепился в плечо Гитары. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело, словно когти.

Прожив беспокойную жизнь, Конан наблюдал сотни битв, но никогда не видел, чтобы четыре демона, объединив усилия, сражались с себе подобным. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к стене, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные способы и знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам ожидал, а желание спастись высвободило неожиданные запасы энергии. Страх и отчаяние увеличили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумов, которые проникли в пучину мрака и узнали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жазмина понимала это лучше, чем Конан, и догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех колдунов, способных расщепить на мельчайшие кусочки скалу, где он стоял. Причиной тому была девушка, он прижимал ее к себе со всей силой отчаяния. Она – якорь спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Сила Хемсы в его слабости. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая – единственная нить, связующая его с остатками человеческого, – служила опорой для воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги... по крайней мере, не могли разорвать того звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше его, один из колдунов перевел взор на Гитару. Сопrotивления он не встретил – девушка сжалась и поникла подобно засохшему листу. Ведомая повелитель-

ным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. Тогда началось самое ужасное. Гитара пятилась к краю обрыва, уставившись пустыми черными глазами на колдунов. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг превратился в побежденного, став игрушкой в их руках. Девушка продолжала отступать, неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, всхлипывая от отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.